

Армавирская государственная
педагогическая академия
Кафедра всеобщей и региональной истории АГПА
Общественная академия наук,
культуры и образования Кавказа

XVI-е ЧТЕНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ КУБАНИ

Краткое содержание докладов

Г Р А Ф А

армавир • 2011

ББК 63.4
УДК 902/6
Д–76

Печатается по решению кафедры всеобщей и региональной истории АГПА.

Ответственный редактор д.и.н., профессор *С. Л. Дударев*.

Составитель д.и.н., профессор *А. Л. Пелих*.

В. Б. Виноградов

Армавирский археологический «перекрёсток»

Шестнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). — Армавир: АГПА; Графа, 2011. — 76 с.; ил.

ISBN

В сборнике кратко освещаются доклады и сообщения очередных, 16 «Чтений по истории Средней Кубани», прошедших в АГПА в ноябре 2011 г.

В публикациях преподавателей и научных сотрудников, краеведов из Армавира, Краснодара, Черкесска, Пятигорска, Волгограда, Нальчика, Самары, с. Прасковей Ставропольского края рассматриваются материалы по археологии Средней Кубани и других районов Предкавказья, а также исторически связанной с ним территории Среднего Дона, представленные в широком хронологическом диапазоне – от эпохи средней бронзы до позднего средневековья. Они характеризуют материальную и духовную культуру разноэтничного населения указанных ареалов, демонстрируют его межплеменные и международные связи в древности и средневековье, в том числе с Передней Азией, античным миром, степями Восточной Европы, Византией, Закавказьем и Киевской Русью. В сборнике представлены материалы к юбилею исторического факультета АГПА, а также известных отечественных и зарубежных археологов, а также воспоминания о деятелях археологического и исторического краеведения Северного Кавказа.

Для студентов, преподавателей вузов, научных сотрудников, учителей средних школ.

© Авторы, 2011.

© Графа, 2011.

Археологическая проблематика решаяще преобладала в нашей Кавказоведческой научно-педагогической Школе с момента её рождения в 1963 г. в столице Чечено-Ингушской АССР городе Грозном и вплоть до вынужденного перемещения её ядра на Среднюю Кубань в 1992 г. Она изначально покрывала разнообразную ландшафтную зону от низовий р. Терек до Кавказских минеральных Вод.

Обосновавшись в Армавирском государственном педагогическом институте (затем — университете, ныне академии), подготовленный коллектив незамедлительно включился в разработку археологического поля Северо-Западного Кавказа, не потеряв и стараясь всячески прирастить ранее сформировавшиеся тематически-территориальные и кадровые связи. Был создан действенный механизм реализации этого направления, включающий широкую сеть научно-практических региональных и всероссийских конференций, нескольких серий монографических и коллективных изданий, открытия аспирантуры и докторантуры, учреждение кафедры регионоведения и специальных исторических дисциплин, регулярное проведение археологических разведок и раскопок, создание специального Центра археологических исследований в г. Армавири и многое другое [1]. Стоит сказать, что сами «Чтения по археологии Средней Кубани» уже с 1993 г. проводятся ежегодно.

Все эти эффективные формы научно-педагогической практики всегда преследовали цель текущей и стратегической консолидации соответствующих об-

щесеверокавказских сил [2]. Определённые итоги были подведены в 2008 г. в ходе юбилейных мероприятий, связанных с историей Кавказоведческой Школы. Они не иссякли и в дальнейшем, вплоть до сего дня, несмотря на существенные внутривузовские реорганизации и переформатировки (создание новой кафедры всеобщей и региональной истории, возглавленной д.и.н., профессором С.Л. Дударевым и дальнейшая автономизация хоздоговорного ЦАИ, руководимого д.и.н. Е.И. Нарожным).

Легко убедиться, что вся текущая работа этих подразделений АГПА вовлекает широкий южнороссийский археологический актив, существенно обогащая общую панораму путём профессионального сотрудничества в полевых исследованиях, проведении научных форумов, комплектовании соответствующих изданий.

Достойны быть названы и такие фундаментальные сборники, как внеармавирские «Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа» (Москва, 2008), «Материалы и исследования по археологии Кубани» (Краснодар, 2009) и др. В их авторском и дискуссионном составе наши специалисты, изучаемые ими древности и проблемы занимают достойное место.

Продолжают выходить в свет и обобщающие труды, монографии по археологии различных субъектов Юга Российской Федерации, построенные во многом на базе привлечения и анализа массовых и порой уникальных источников, добытых представителями грозненско-армавирской Кавказоведческой Школы, развивающие или вступающие в полемику с высказанными и мотивированными ими трактовками. В числе новейших примеров — итоговые разноформатные издания в городах Владикавказе, Ставрополе, Нальчике, Губкине и т. д. [3].

Уместно подчеркнуть общерегиональную объединительную роль единственной в стране газеты

«Акинак» — органа нашей научно-педагогической Кавказоведческой Школы, издаваемого в г. Армавире на протяжении последнего десятилетия. Её многочисленные авторы, поднимая самые актуальные вопросы северокавказской исследовательской и образовательной интеграции, в своём преобладающем большинстве обладают археологической подготовкой и соответствующими навыками, применяемыми в повседневной профессиональной и общественной практике [4].

Предлагаемый беглый обзор конкретного направления деятельности уникального коллектива, сплачивающегося и группирующегося ныне вокруг кафедры всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии, как, собственно, и очередные «16 чтений по археологии Средней Кубани» веско подтверждают состоятельность и жизнеспособность той формулировки, которая дана в названии выносимого на обсуждение моего доклада.

ПРИМЕЧАНИЯ: 1. См., например: *Виноградов В. Б.* 30 лет археологических работ историко-краеведческого коллектива, сложившегося в Чечено-Ингушском госуниверситете // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск. 1994, с. 13–15; *Материалы* заседания, посвящённого 30-летию научно-творческой педагогической и общественной деятельности школы академика В. Б. Виноградова. Армавир, 1994; *Асеева Е. А.* К истории археологического изучения Чечено-Ингушской АССР (1965–1989 гг.). Армавир-Грозный. 2002; *Виноградов В. Б., Пелух А. Л.* Археология в Армавирском государственном педагогическом университете // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004, с. 5–12; и др. 2. Кавказоведческая Школа В. Б. Виноградова: становление, современность, перспективы (в честь 10-летия деятельности в Армавирском госпединституте). В 2-х частях. Армавир, 2002; Кавказоведческая Школа В. Б. Виноградова: к 15-летию деятельности на Кубани. Москва; Армавир, 2007. 3. *Археология* Северной Осетии. Части 1 и 2. Владикавказ. 2007 (2008); *Бурков С. Б., Прокопенко Ю. А.* Подкурганские погребения раннего железного века — эпохи раннего средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь, 2008; *Чахкиев Д. Ю.* Древности горной Ингушетии. Том I. Нальчик, 2007; Том II. Нальчик, 2009; *Альманах* «Возрождение». Белогорье–Кубань. Губкин, 2009; и др. 4. Последний (№ 26) выпуск газеты датируется декабрём 2009 г., убедительно демонстрируя основные черты её характера.

Мария и Виктор Котляровы

Кавказский «Стоунхендж»?

...Сегодня мы отчетливо понимаем, что могильник, найденный в окрестностях селения Заюково Баксанского района, не только некрополь. Ощущение, что захоронения здесь отнюдь не самое главное, пришло с первых минут — могилы были лишь частью чего-то большего. Возник вопрос: чего? Сакрального комплекса?

Понятие сакрального пространства основано на идее действия неких высших сил, некогда осветивших это пространство, а впоследствии преобразивших его, тем самым выделив из окружающей среды и придав ему особый смысл. Как возвращение к отчужденному, родным корням, малой родине подпитывает людей новыми жизненными силами, так и сакральные места дают столь же сильную энергетическую подпитку, позволяя одновременно сверить верность избранной дороги. Одним словом, сакральное место — это место приобщения к священному.

Как место религиозного поклонения наше плато действительно идеально с позиций окружающей местности: в хорошую погоду отсюда виден Эльбрус, солнце по ходу своего движения как бы пронзает открытую со всех сторон площадку, нависающую над ущельем. Причем в этом движении в той или иной мере задействованы практически все каменные объекты, расположенные на плато. Более того, в нижнем углу амфитеатра вертикально установлены в ряд большие валуны. Выше них камень в два-три раза больший, чем-то напоминающий визир, т. е. видоискатель. Причем водружен он так, что между ним и самим основанием оставлено отверстие, позволяющее зреть перспективу.

Сама каменная ограда возведена только с одной стороны. Сразу за ней — небольшой ров непонятного предназначения (кстати, вырытый вручную), а следом — вал: почти отвесный и тоже, по всему видно, насыпной — образован из земли, частично откинутой изо рва. Почему частично? Дело в том, что объем ее куда значительнее, чем мог дать сам ров. Получается, землю сюда принесли? Но зачем? Кстати, по консистенции это сплошной чернозем, такой же, как

и на могильнике. Непонятен смысл возведения каменной ограды — она функционально бессмысленна, если ее рассматривать именно как ограду: следом (через несколько метров) пологий ров и вслед за ним — отвесный (даже взобраться трудно, столь вертикально он уходит вверх) земляной вал, внешне больше напоминающий трибуну для наблюдений, чем оградительное сооружение. Его предназначение вообще неясно с практической точки зрения. Основание амфитеатра скальное с небольшим слоем земли поверху; оно выпуклое, чем-то напоминает линзу.

В самом амфитеатре 7–8 камней круглой формы, разбросанных на первый взгляд произвольно, но осматривая их с верхней точки плато, ловишь себя на мысли, что в расположении каменных шаров прослеживается определенное логическое построение, причем с участием рук человеческих. Ощущение, что камни отображают цельную картину, а именно — небесное созвездие. Одним словом, функциональная принадлежность объекта несомненна. Другой причины перетаскивать с места на место весьма внушительные каменные глыбы, устанавливая их в ряд не видится. Нельзя сказать, что валуны неподъемны, но, тем не менее, достаточно велики и установить их на попа требовалось усилие множества человеческих рук и мышц. А уж камень-визир, как мы его назвали, требовал многократного умножения этих усилий. Значит, астрономический комплекс? И словно в подтверждение сказанного, пришло электронное письмо от мальчика Мурата Орквасова — потомственного архитектора, продолжившего дело своего отца Мухаммеда Орквасова, исследовавшего поселенческие особенности и архитектуру народов, населявших регион Северного Кавказа. Мурат перевел эту тему в иную плоскость, больше связанную с археологией, ибо считает, чтобы понять архитектуру народа, сначала нужно понять идеологию на которой, как на каркасе, держится вся его древняя культура. Свои предположения он изложил в книге «Материалы по архитектуре жилищ черкесов», главная мысль которой состоит в том, что адыги поклонялись солнцу и строили городища кольцеобразной формы с храмом солнца в центре. Так вот М. Орквасов уверен, что найденный нами объект — «древняя пригоризонтная солнечная обсерватория, которая преследовала чисто практические цели; круглые камни — визиры, обозначающие текущее положение видимых невооруженным глазом планет солнечной системы. Заюковская солнечная обсерватория — лишь малая неизученная часть огромной культуры хеттской цивилизации, наследником которой являются

ся сегодня народы, населяющие наш регион». Он же считает, что главное при изучении обсерватории, которую он называет Кавказский Стоунхендж, не допустить, чтобы визирры сдвигались или каким либо образом перемещались, далее необходимо найти центр, где обычно устанавливался чашечный камень и с помощью установленного туда теодолита замерить положение планет в определенные астрономические даты; размер же камней-визиров может подсказать, какую планету каждый из них символизирует.

Что такое пригоризонтная обсерватория? Ряд исследователей вообще не рассматривают подобное понятие. Другие считают таковой английский Стоунхендж; в нашей стране — знаменитый Аркаим, что неподалеку от города Челябинска. Чтобы пригоризонтная обсерватория могла служить инструментом астрономических наблюдений нужны три элемента: рабочее место наблюдателя, ближний визир и дальний визир. Последним может быть любая деталь ландшафта, фиксирующая точку события: вершину горы, скалу, крупный камень. Ближний визир устанавливается невдалеке от наблюдателя. При этом важно, чтобы рабочий (верхний) край визира с точки зрения наблюдателя совмещался с линией горизонта, на которой находится дальний визир. Что позволяла дневная обсерватория? Ежедневное наблюдение солнечных восходов и заходов давало возможность вычислить дни осеннего и весеннего равноденствия или дни зимнего и летнего солнцестояния; определять продолжительность года, фиксировать астрономически значимые события.

Итак, у объекта, найденного нами в верховьях Заюково, скорее всего, было сразу несколько предназначений: в верхней части этого своеобразного природного цирка располагался некрополь, в нижней — пригоризонтная обсерватория, в срединной, самом амфитеатре, совершались скорее всего какие-то религиозные (или зрелищные?) отправления. Предположение о последних зиждется на ощущениях, выходящих за пределы объективной реальности. На плато, обдуваемом с трех сторон ветрами, тем не менее, свой микроклимат: ветер затихает и как бы обходит пространство амфитеатра стороной и то, что его дно ниже на полтора-два метра чем края вовсе не является причиной последнего. Кроме того здесь чувствуется какое-то особое настроение: умиротворенности, покоя, не суетности; замедляешь шаги, начинаешь размышлять о чем-то не обыденном, словно присутствуешь в намоленном месте. Храме? По обеим сторонам от площадки, располо-

женной на вершине каменного языка, пропасть в десятки метров: есть места столь отвесные, что к краю лучше не подходить. Тем не менее, страх высоты не ощущается, словно его что-то нейтрализует. Нет и ощущения присутствия мертвых, хотя они закопаны буквально в нескольких шагах. Слово сквозь время, сквозь долгие-долгие века — речь идет как минимум о 25–27 столетиях (??)¹ — струится с неба на посещающих эти места благословение.

С. Л. Дударев

Блеск и горечь древней бронзы (о новых находках у селения Заюково)

В 2011 г. у сел. Заюково (Кабардино-Балкария) т. н. «черными копателями» был обнаружен и разграблен могильник с погребениями кобанской эпохи. Первые сведения о памятнике были получены нами в начале октября 2011 г. от к. биол. н. К. Ю. Лотиева, побывавшего в г. Нальчике по служебным делам и узнавшего об открытии от нальчикского книгоиздателя и краеведа В. Н. Котлярова. Как сообщил нам впоследствии В. Н. Котляров, с которым мы связались по электронной почте, ему удалось собрать часть археологического материала (среди которого, как будто, были и находки сармато-аланского периода), брошенного грабителями прямо на месте их «раскопок», расположено у федеральной трассы, ведущей в Приэльбрусье, напротив пионерского лагеря и пруда. «Место, где находится могильник, — пишет в электронном письме от 5.11.11. В. Н. Котляров — располагается сразу за селением Заюково — с правой стороны, если едем вверх по ущелью, его координаты 43–36/43–13, высота 971». К началу ноября 2011 г. по оценкам В. Н. Котлярова, на могильнике разграблено не менее 120 могил. Разнообразные виды местности, где расположен могильник (см. например рис. 1) и сделанные здесь по следам «копателей» находки В. Н. Котляров разместил на своей странице в российском секторе Интернет <http://vkontakte.ru/id148492568> где мы и ознакомились с ними.

¹ Версия о назначении описанных природных и рукотворных объектов, изложенная М. и В. Котляровыми интересна, но нуждается во всесторонней проверке в ходе непосредственного исследования учеными, археологами и астрономами, новых памятников, открытых у сел. Заюково. Предстоит выяснить и их связь с могильником, о котором речь пойдет в нижеследующей статье. — Ред.

Для того чтобы отразить драматический колорит ситуации, хорошо схваченной В. Н. Котляровым, приводим полностью цитату из более раннего его письма, от 19.10.11: «Как мне представляется, земля для могильников доставлена из другого места: сплошной чернозем без камней.

С помощью металлодетектора «черные копатели» определяют место, где находится погребальный инвентарь, копают узкую горизонтальную шахту рядом, обходя тонкий слой каменного ящика, потом подкапываются под захоронение и забирают все ценное (рис. 2, 3). Керамика — тертая глина (заметим, что это типичные образцы кобанской керамики эпохи раннего железа: корчаги, кувшины, горшки, фрагменты миски. — *Авт.*) (рис. 5), наконечники копий были выброшены за ненадобностью — высылаем фото тех, что мы подобрали (рис. 6). Из каждой могилы доставали до полведра (в некоторых куда больше), бронзовых артефактов, мелочь и попорченные не брали. Тот копатель, кого мы заставили показать найденное, вез сразу 3 шлема с разной степенью сохранности, еще один, как он говорил, который он выкопал перед этим, был практически в идеальной форме: полностью цел, сохранились даже наушники, которые почему-то сгнивают в первую очередь. Только «наш» копатель раскопал около 10 шлемов, продав их на рынке Пятигорска от 10 до 20 тысяч рублей. Будто бы их кто-то там реставрирует и реализует значительно дороже. Так как грунт до удивительного мягок, могилу раскапывают за полтора-два часа, забирают все нужное и исчезают до следующего раннего утра. Хоть мы и трубим тревогу, охраны у памятника до сих пор нет никакой. А рядом, как сказал все тот же копатель, еще один огромный могильник, пока нетронутый». В настоящее время ряд предметов, наиболее хорошо сохранившихся, как сообщил В. Н. Котляров, передан местным археологам.

Могильники эпохи поздней бронзы — раннего железа, равно как и другие памятники археологии впервые археологически зафиксированы возле селения Заюково еще с 1880-х гг. (В. И. Долбежев). В 1920–1940-х гг. их полевые исследования вели многие специалисты (М. И. Ермоленко, Б. Е. Деген-Ковалевский, А. А. Иессен, О. В. Милорадович, К. Э. Гриневич). Материалы данных раскопок получили освещение в трудах А. А. Иессена, К. И. Гриневича, Е. И. Крупнова, И. М. Чеченова, В. И. Козенковой и других ученых [1].

«Открытый» грабителями новый могильник у сел. Заюково, судя по всему, является 3-м по счету, имея в виду открытые прежде погребальные памятники. По найденно-

му здесь раннему материалу он тяготеет к могильнику 2, по поводу которого В. И. Козенков отмечает, что «весь вековой комплекс свидетельствует о непрерывном использовании могильника с конца II тысячелетия до н. э. и до V–IV вв. до н. э. Подавляющее большинство предметов относится к XII–VIII вв. до н. э.» [2].

Наибольший интерес из материалов, представленных на странице В. Н. Котлярова, бесспорно, представляет комплекс (говорим так со ссылкой на публикатора находок во всемирной сети, обнаружившего их компактно) археологических предметов, включавших целый ряд ярких бронзовых артефактов, в подавляющем своем большинстве раннекобанских, жемчужиной среди которых является бронзовый шлем ассирийского типа (рис. 7–8).

Он, бесспорно, стоит в одном ряду со шлемами из пог. 186, разрушенного погребения воина 1987 г. на могильнике Клинь-яр III, а также могильнике Нарзанный 2, погр. 1 (раскопки Я. Б. Березина; артефакт находится на реставрации в ГУП «Наследие» Ставропольского края) [3], на что указывает характер тульи, конфигурация нашечников, способ крепления бронзового листа, расположения отверстий для крепления подшлемника. Оставляя пока в стороне вопрос о датировке предмета, по поводу которой в научной литературе идет дискуссия (В. И. Козенкова, С. В. Полин, С. Л. Дударев, С. В. Махортых, В. Р. Эрлих, А. И. Иванчик) [4], обратимся к другим бронзовым предметам из комплекса (рис. 4).

К ним относятся шейная гривна из довольно толстого дрота, с закрученными в петельку концами, фибула с расширенным книзу приемником, пластинчатый браслет с рифленой внешней плоскостью, две зооморфные привески в виде головок животных (медведей?), привеска в виде птички, привеска, внешне напоминающая антропоморфную статуэтку, привеска с округло-крестовидными концами, полуовальная пряжка с головой барана, дважды изогнутый великолепный кобанский топор с овальным проухом и орнаментированной продольными каннелюрами обушной частью, 7 крупных кинжаловидных привесок с рельефным продольным или поперечным сетчатым орнаментом (их, по-видимому, было больше). В набор вещей входили и железные наконечники копий, подобные тем, что изображены на рисунке 6.

Перечисленные выше типы предметов находят четкие параллели в древностях т. н. западного (пятигорского) варианта кобанской культуры (культурно-исторической

общности) и не носят, как будто, никакого влияния раннекифской культуры. Поскольку полная публикация этих находок еще предстоит, ограничимся лишь некоторыми замечаниями, касающимися, прежде всего, их хронологии, реже — функционального назначения.

Шейные гривны, подобные описанной выше заюковской, датируются В. И. Козенковой в основном IX–VIII вв. до н. э. [5]. Однако на могильнике «Индустрия» 1 под Кисловодском такой экземпляр был обнаружен Г. Е. Афанасьевым в 1971 г. в погр. 7/14 [6] в комплексе с бронзовой литой имитацией когтя — образца раннего звериного стиля. Позднее комплекс был отнесен нами с В. Б. Виноградовым ко второй половине VII в. до н. э. [7].

Кинжаловидные привески, аналогичные найденным в Заюково (рис. 4, 9), относятся В. И. Козенковой ко 2-му варианту XX типа привесок западного варианта и датируются ею не позднее VIII в. до н. э. [8]. Однако Бедькинские клад и могильник в Кабардино-Балкарии, где встречены подобные предметы, датируются В. М. Батчаевым VI–V вв. до н. э. [9]. Исследователь, по аналогии с Сержень-Юртовским могильником, предположил, что эти привески могли использоваться как украшения пояса. И вновь приходится констатировать, что В. И. Козенкова не учла тот факт, что В. М. Батчаев еще в 1980 г. предположил бифункциональную принадлежность таких подвесок, трактованных им в качестве «первобытных денег», что одновременно не исключало их назначение как талисманов, вотивов и т. п. [10].

Привеска, подобная антропоморфной фигурке из Заюкова — не единственная в Западной Кобани. Подобная ей найдена во все том же индустрийном погребении 7/14 раскопок Г. Е. Афанасьева [11]. С последней В. И. Козенкова сближает предмет из окрестностей г. Черкесска, и называет оба изделия фигурками «идолов» [12]. По ее мнению, они характерны для древностей VIII–VII вв. до н. э. Если артефакт из Черкесска действительно имеет антропоморфные черты, то сходство с человеческой фигурой для находок из Заюкова и «Индустрии» менее очевидно. Если посмотреть на эти предметы сбоку, то обнаруживается сходство их с головой некоего зверя с широко открытой пастью. К тому же, отверстия для подвешивания сделаны в них прямо в «голове» фигурки (если считать, что это изображение людей), что нехарактерно для антропоморфной кобанской пластики [13]. В связи со сказанным выше, дата фигурок, подобных заюковской и индустрийной, распространяется нами на VII в. до н. э.

С этой датой приходится связывать и представленную на рис. 4 находку фигурки птички из Заюкова. В. И. Козенкова указывает, что большинство подобных привесок (XVII тип ее классификации) найдено с материалами X–VIII вв. до н. э. и приводит аналогии из Кобана, Тли, В. Рутхи. Но данные привески доживают и до VII в., на что указывает уже приводившийся комплекс из погр. 7/14 «Индустрии», а также материалы погр. 394 Тлийского могильника, датируемые Б. В. Теховым VII в. до н. э. [14].

Пластинчатые браслеты с рифлением на лицевой стороне (III тип, по В. И. Козенковой) [15] в кобанском ареале бытуют в X–VIII вв. до н. э., появляясь в редких случаях, еще раньше (Майртупский могильник № 2, 1-я хронологическая группа погребений конца II — рубежа II–I тыс. до н. э.) [16]. Показательно, что в могилах Сержень-Юрта, четко датируемых VII в. до н. э. они, ранее столь популярные в более ранних захоронениях этого незаурядного памятника, уже отсутствуют [17].

Крестовидная привеска из Заюкова имеет хорошие аналогии в могильнике Терезе (гробницы 1–2) [18]. По мнению его исследователя, гробница 2 содержит захоронения конца XII — рубежа X–IX вв. до н. э. В гробнице 1 совершенны захоронения конца XI — первой половины VIII в. до н. э. [19]. Тем не менее, В. Э. Эрлих и Н. Н. Терехова, также допускающая долговременный характер 1 и 2 гробницы могильника Терезе, указали: «На наш взгляд, корректной датой этого комплекса является IX (возможно X в. до н. э.) — первая половина VIII в. до н. э.» [20]. В другой работе В. И. Козенкова полагает, что крестовидные привески из древностей «западного варианта» не встречаются позднее конца VIII в. до н. э. [21]. Отметим, что весьма близкие привески бытуют в Тли в конце IX в. до н. э. (погр. 334) [22].

Теперь остановимся на характеристике одного из наиболее репрезентативных изделий из рассматриваемого заюковского комплекса со шлемом — бронзового дважды изогнутого топора. Судя по фотографии, он не имеет ornamentации. Обширная и блестящая коллекция Тлийского могильника, по мнению Б. В. Техова, указывает на то, что эти топоры (I тип, по Техову) «появляются в материальной культуре Центрального Кавказа в XI в. до н. э. и продолжают встречаться до конца VIII в. до н. э.» [23]. Впрочем, у этого автора мы можем встретить и более позднюю дату данных топоров, а именно VII в. до н. э., в чем мы с ним совершенно согласны, особенно если иметь в виду комплекс погр. 347/2, где такой топор встречен вместе с ве-

щами, являющимися хорошими маркерами VII — начала VI в. до н.э., особенно бронзовым граненым поясом [24]. Но нам могут возразить, что Тлийский могильник — это горы, и подобные изделия могли здесь бытовать позже, чем на плоскости. И это верно. Если мы обратимся к материалам могильника Клинь-яр III, то в погр.362 имеется такой же, но орнаментированный бронзовый топор, который датирован по комплексу в печати первой половиной VIII в. до н.э. [25], а в неопубликованной рукописи кандидатской диссертации А.Б. Белинского — концом IX — началом VIII в. до н.э. [26]. На востоке кобанского ареала топоры с дважды изогнутым корпусом встречены в захоронениях могильника Сержень-Юрт этапов СЮ-I и СЮ-II (погр. 6, 37). Самым поздним из них является погр. 37 начала VIII в. до н.э. [27].

Одним из наиболее архаичных предметов в рассматриваемом наборе является полуовальная рамчатая пряжка с головкой барана, которая не имеет точных аналогий. Она, будучи сходной по отдельным деталям с некоторыми кобанскими пряжками I и X типов [28] может быть ориентировочно отнесена к первым векам I тыс. до н.э., что не противоречит заключению о том, что отдельные модификации полуовальных кобанских пряжек бытовали до IX–VIII вв. до н.э. [29].

Наконец, обратим внимание на то, что в погребении со шлемом и в других могилах были найдены железные наконечники копий или их фрагменты (рис. 6). Морфология таких наконечников (перо удлинненно-листовидной и лавролистной формы указывает на достаточно широкую дату в пределах VIII–IV вв. до н.э. [30]. Фибуле из рассмотренного набора вещей нам пока не удалось найти точных аналогий.

Таким образом, подводя итоги можно сказать, что некоторая часть вещевого инвентаря, сопровождающего бронзовый шлем ассирийского типа, имеет «плавающий» характер, доживая до VII в. до н.э. (шейная гривна, привеска в виде птички, привеска-«антропоморф») и даже VI–V вв. до н.э. (кинжаловидные привески, головки животных). В то же время, ряд рассмотренных выше предметов, в основном, тяготеют к VIII в. до н.э., и даже несколько более раннему времени. Что же касается самого шлема, то предпринятый нами ранее специальный анализ позволил прийти к выводу, что дата таких деталей древней паноплии на Северном Кавказе может быть установлена в пределах середины VIII — начала VII в. до н.э. [31]. Разумеется, только новые раскопки в Заюкове могут подтвердить полную достовер-

ность сочетания предметов, описанных выше, в одном комплексе. Но на сегодняшний день, с известной долей условности, можно считать рассмотренный набор вещей со шлемом ассирийского типа, наиболее ранним из всех ныне известных комплексов с такими шлемами в предскифское время на Северном Кавказе.

Добавим, что вместе с описанными выше вещами был найден сосуд (форма его нам неизвестна), на дне которого была нанесена свастика, а также челюсть особи крупного рогатого скота возрастом 3,5–4 года (определение к.биол.н. А.К. Швыревой) [32]. Свастический орнамент присутствует, например, на кобанской бронзе и керамике. Он проник сюда, как полагают специалисты, из восточных стран [33]. Весьма примечательно, что по В.Б. Виноградову, «на Северном Кавказе утверждение свастики в качестве одного из важнейших культовых знаков падает именно на скифское время». Ученый замечает: «Сопоставив этот факт с тем, что ни один из комплексов Пятигорья, дающих нам использование мотива свастики в орнаментации исконных мисок не уходит древнее второй половины VIII — первой половины VII века до н.э., и что именно с этими памятниками связаны редчайшие, но зато выразительные предметы, свидетельствующие о наиболее ранних контактах со степняками — **возможными участниками азиатских походов киммерийцев и скифов** (выделено нами. — Авт.), станет допустимым связывать широкое внедрение «свастических» сюжетов в культуру абригенов с южной модой, близкое (хотя, вероятно, и не непосредственное) знакомство с которой произошло в канун и на заре скифского времени» [34]. Разведение крупного рогатого скота (наряду со свиноводством) составляло основу скотоводства у ряда групп древних «кобанцев» в предгорной зоне. Близкая картина наблюдается в памятниках ранней и развитой бронзы как Северо-Восточного, так и Северо-Западного Кавказа [35].

Таким образом, комплекс со шлемом, по нашему убеждению, скорее всего, относится именно к эпохе походов ранних кочевников в страны Передней Азии. Вкупе с тем фактом, что на новом могильнике у сел. Заюкова было, возможно, найдено около десятка подобных шлемов, а также с учетом ранее сделанных находок более 30 «киммерийских» стел в гробнице у Нижнего Куркужина (Б.Х. Атабиев), послуживших строительным материалом в сарматское время, можно говорить о том, что на территории Кабардино-Балкарии в VIII–VII вв. до н.э. (вплоть до второй полови-

ны VII в. до н.э. включительно) находилась крупная группировка степняков, участвовавших в походах на юг через Главный Кавказский хребет и имевших весьма тесные контакты с автохтонами — «кобанцами» [36].

...И вот здесь, по законам археологического жанра следовало бы поставить точку. Но мы не вправе этого сделать. Потому, что блестящий памятник, с помощью материалов которого археологи могли бы вписать новые и яркие страницы в историю Центрального Предкавказья и всего Северного Кавказа, а возможно и всей Юго-Восточной Европы, в значительной степени безжалостно и беспощадно уничтожен. Причина этого — неумная, разнузданная человеческая жадность. Но было бы пустым занятием абстрактно бичевать этот один из вечных пороков человечества. Ведь какие-нибудь 20–30 лет назад такое еще трудно, да и невозможно себе представить. Археологи советского времени, занимавшиеся кобанской культурой, знали, разумеется, о том, что знаменитый Кобанский могильник в Северной Осетии, ставший эпонимным (т.е. давший имя) для всей этой уникальной культуры, был в последней трети XIX в. разграблен хищным дельцом, алдаром Х. Кануковым, «раскопавшим» более 500 погребений (по другим данным, до 600) [37] и выручившим от продажи вещей более 20 тыс. рублей (большие деньги по тем временам; содержание дома в Калуге, где жил в ссылке бывший имам Шамиль со своей семьей, обходилось казне в год именно в такую сумму) [38]. Не «отставали» от Канукова и другой алдар, Бегизар Дзелихов, а также кабардинский феодал Измаил Урузбиев и др. Но, то было при «проклятом царизме», как говорили в советскую эпоху. Так какое же проклятье тяготеет сейчас над древностями Кабардино-Балкарии? А то же самое, что и в эпоху кануковских грабежей. Имя ему — «дикий капитализм». Тогда, в пореформенный период, в России также утверждались новые, рыночные отношения, которые втягивали в себя горцев, которые, тянувшись к новой для себя русской культуре, соблазнам, шедшим из российской цивилизационной сферы, стремились удовлетворять стремительно возникавшие новые потребности, в том числе, и путем расхищения памятников своей истории. Но они в своем подавляющем большинстве не владели научными представлениями о ней! Такие знания были, в лучшем случае, уделом просветителей, одиночек-интеллектуалов. Но сейчас — другое дело. За годы Советской власти не только выросли кадры национальной интеллигенции. Образование, просвещение, интерес к истории широко шагнули в массы. Были написаны «Истории»

тех или иных национальных республик. Но формирование представлений о своем прошлом у народов региона — вещь непростая, диалектическая. Историю, написанную в советское время, сочли политический ангажированной, недобросовестной. Среди народов Северного Кавказа в конце XX — начале XXI в. в связи с процессами национального возрождения, распространились альтернативные версии происхождения автохтонного населения. Местами активно расцвело и мифотворчество [39], которое муссирует престижные версии генезиса тех или иных групп кавказцев [40]. Параллельно с подобными устремлениями познать свое прошлое, которые сами национальные специалисты считают не конструктивными [41], народилось и «движение» грабителей, которые уже многие годы «лопаты» землю Центрального Предкавказья, камня на камне не оставляя от памятников предков. Конечно, банды «черных копателей» не состоят из одних только потомков тех древних и средневековых культур. Они, как и прочая преступность — интернациональны. Но ведь и горцы среди них есть! А иначе как бы грабители-чужаки могли бы быстро и ловко уходить от ответственности в незнакомом краю! К тому же, расхитителей прошлого «крышуют» и представители местных силовых структур. «Подвиги» грабителей рекламируются на сотнях сайтов в Интернете. Обо всем этом говорилось еще почти 10 лет назад на XXII «Крупновских чтениях» в 2002 г. [42]. Но с тех пор практически ничего не изменилось. Более того, ситуация еще более усложнилась, ибо на «деятельность» преступников, торгующих историей, накладывается терроризм, который на территории Кабардино-Балкарии, Чечни и Дагестана еще далеко не сдал своих позиций. Напротив, имеет место рост оппозиционных настроений, связанных с громадной безработицей, социальной несправедливостью, произволом коррумпированных чиновников и засильем этноклановых структур. Разумеется, то, что творится на Северном Кавказе с памятниками истории [43] (и в социально-политической сфере вообще), не есть нечто исключительное. Это только кусочек той картины, той сегодняшней России, которую автор этих строк с глубоким сожалением называет «страной на вынос». Мораль в обществе, как сказал патриарх российских писателей знаменитый Даниил Гранин, зависит от политики власти. Сейчас она ориентирована на барыш. Куда же ткнишь, говорит Гранин, всюду царит рубль. При таком режиме невозможно оставаться честным человеком: его выглаткивают из жизни, особенно наверху. Совесть нынче невыгодна человеку. Она не прино-

сит доходов [44]. И идут люди с помутненной деньгами совестью на разбой против памяти предков.

Вот почему радующие глаз специалиста великолепные находки из Заюкова одновременно вдохновляют... и вызывают чувство горечи. Как спасти древности кавказской земли от разорения? Как и все остальное. Нужны, наконец, действия по настоящему ответственных властных структур, которые должны положить всему этому конец, а мы всемерно помочь им — кто словом, кто делом, а кто и тем и другим вместе. «На Кавказе всегда понимали и понимают, когда Власть употребляет власть, в том числе по отношению к своим бесчинствующим уполномоченным» (В. В. Дегоев) [45].

ПРИМЕЧАНИЯ: 1. *Иессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. №3. М.–Л., 1941. С. 19; *Гриневиц К.Э.* Новые данные по археологии Кабарды // МИА. №23. 1951. С. 135; *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 183; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант // САИ. В2–5. М.: Наука, 1989. С. 22–23. 2. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант // САИ В2–5. М.: Наука, 1989. С. 23. 3. *Белинский А.Б.* К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Северном Кавказе // СА. 1990. №4. С. 190–195; *Дударев С.Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: ЧИГУ, 1991; *Дударев С.Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999; *Сборник научных трудов С.Л. Дударева.* М.: Илекса, 2011. С. 134–145. 4. *Сборник научных трудов С.Л. Дударева.* М.: Илекса, 2011. С. 134–145. 5. *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В2–5. М., 1998. С. 50. 6. *Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И.* О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // СА. №2. 1981. С. 166; рис. 5, 9. 7. *Виноградов В.Б., Дударев С.Л.* К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н.э. из Предкавказья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1983. С. 50; рис. 1, 35, 37. С. 52. 8. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант, с. 46. 9. *Батчаев В.М.* Древности предскифского и скифского периодов. Глава I. Новые материалы к археологической карте Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик, 1985. С. 11–12. Там же, в Бедькском могильнике были найдены и 14 бронзовых подвесок в виде головок животных, весьма напоминающих новые звериные головки из Заюкова (см. ту же работу В.М. Батчаева, табл. 3, 1). 10. *Батчаев В.М.* Кобанские кинжаловидные подвески // Х Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980. С. 16–17. 11. *Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И.* О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска. С. 166; рис. 5, 8. 12. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант. С. 44, 168, табл. XII, 30–31. 13. *Сборник научных трудов С.Л. Дударева.* М.: Илекса, 2011. С. 260, прим. 79. 14. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант. С. 43; *Техов Б.В.* Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-пресс, 2002. С. 36, 349; табл. 68, 3. 15. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант. С. 46–47. 16. *Сборник научных трудов С.Л. Дударева.* М.: Илекса, 2011. С. 40; рис. 5, 1. 17. *Козенкова В.И.* У истоков горского менталитета: могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у ау-

ла Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М., 2002. С. 226–230; табл. 71–75. 18. *Козенкова В.И.* Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 191; табл. 22, 2. 19. Там же, с. 147. 20. *Терехова Н.Н., Эрлх В.Р.* К проблеме перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. Две культурно-исторические традиции // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002. С. 138, 17. 21. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант. С. 47. 22. *Техов Б.В.* Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-пресс, 2002. С. 9, 274; табл. 1, 21. 23. *Техов Б.В.* Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси, 1988. С. 6. 24. *Техов Б.В.* Бронзовые топоры Тлийского могильника. С. 14; *Он же.* Тайны древних погребений. С. 185–187. С. 288–289, рис. 15–15а; *Дударев С.Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 85–91. 25. *Белинский А.Б., Дударев С.Л.* О некоторых редких предметах вооружения «предскифского» времени из могильника Клинь-яр III (г. Кисловодск) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Материалы и исследования по археологии России, 3. М., 2001. С. 42, 43; рис. 5. 26. Благодарны А.Б. Белинскому за возможность сослаться на неопубликованные данные. 27. *Козенкова В.И.* У истоков горского менталитета: могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-Юрт. С. 130, 178–179, табл. 24, 7. 28. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант. С. 59–60, 175; табл. XIX, 7–8. 29. Там же. С. 59. 30. *Дударев С.Л.* Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терек (IX–VII вв. до н.э.) / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Грозный, 1983. Научный архив ИА НАН Украины. Ф. 12. № 612. С. 119–121. 31. Сборник научных трудов С.Л. Дударева. М.: Илекса, 2011. С. 140–142. 32. *Техов Б.В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 203; *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 199. 33. Благодарны за определение костного материала к биол. н. А. К. Швыревой и за содействие в этом к биол. н. К. Ю. Лотиеву. 34. *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. С. 199. 35. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. Вып. В2–5. М., 1977. С. 15. 36. *Дударев С.Л.* К вопросу о датировке второй нижнекуружнинской стелы // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 12–15 апреля 2001 г.). Ставрополь, 2001. С. 27–29. 37. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 31; *Доманский Я.В.* Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984. С. 9. 38. *Доманский Я.В.* Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984. С. 9; *Дегоев В.В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. С. 284. 39. *Тхагалсоев Х.Г.* Мифогенез в новейшей истории Российских этносов // Политическая мифология и исторические науки на Северном Кавказе. Южнороссийское обозрение. № 24. 2004. 40. *Чеченов И.М.* Обращение участников XIX межрегиональной научной конференции по археологии Северного Кавказа («Крупновские чтения») к историкам-кавказоведам, ко всем представителям науки и образования // Российская археология. 1997. № 2. С. 285–287. 41. *Багаев М.Х., Гапаев А.С.* Об ингушах, шумерах и других сновидениях (о книге: *И.У. Абадиев.* Эздел. Формула земной и вечной жизни. Назрань, 2002. 96 с.) // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. Сборник статей. М., 2004. С. 171–192. 42. *Козенкова В.И., Саевко С.Н.* XXII Крупновские чтения (Ессентуки-Кисловодск, 2002). Хроника. Материалы по изучению историко-культурного наследия Се-

верного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 724. 43. См. следующую статью, в которой описывается аналогичный заюковскому прецедент грабительских раскопок в Краснодарском крае, вызвавший, однако, более оперативную реакцию местных властей. 44. *Совесть* не приносит дохода. Писатель Даниил Гранин — о власти и пустых пьедесталах // АИФ. № 42. 2011. С. 3. 45. <http://bs-kavkaz.org/2011/11/kavkazskij-vopros-i-budushee-rossii>.

Л. Э. Голубев, Г. Г. Давыденко, М. Ю. Федосов

Исследование двух погребений на грунтовом могильнике городища Ахмет-Кая в 2009 году

Весной 2009 года сотрудниками ОВД по Лабинскому району Краснодарского края на объекте культурного наследия — памятнике археологии «Грунтовый могильник, входящий в комплекс памятников у городища «Ахмет-Кая» при производстве незаконных грабительских раскопок были задержаны злоумышленники. К моменту задержания на грунтовом могильнике хищнически уже были уничтожены более тридцати погребений, два погребения, были оконтурены и углублены грабителями. Учитывая беспрецедентность грабительских раскопок на могильнике и близость туристического маршрута, было принято решение доследовать начатые грабителями погребения. С этой целью в управлении по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследие) Краснодарского края был сформирован отряд из специалистов отдела памятников археологии и отдела экономической, правовой деятельности и государственного реестра. Охранно-спасательные раскопки производились в крайне сжатые сроки — с 12 по 14 июня 2009 года.

Грунтовый могильник, входящий в комплекс памятников у городища «Ахмет-Кая» расположен в Ахметовском с/п Лабинского района, в 5 км к западу-северо-западу от южной окраины ст. Ахметовской, в 4,5 км к северо-западу от северной окраины аула Ахмет-Кая (КЧР). Памятник занимает боковой отрог хребта — водораздела балок (правых притоков балки Хрепковой) и вытянут вдоль вершины хребта по линии север — юг примерно на 500 м, примыкая южной частью к границе Краснодарского края и Карачаево-Черкесской Республики. Ямы от разграбленных погребений вытянуты в цепь и располагаются непосредственно на вершине хребта и по его обоим склонам на расстоянии до 10 м от вершины. Ямы имеют различ-

ные размеры и формы. Всего обнаружено 34 больших ямы и около 10 небольших ям. Также имеется большое количество небольших выемок в земле, свидетельствующих о применении металлоискателя. Кроме того, отмечено несколько узких (до 20 см) траншей, прокопанных поперек вершины хребта. При осмотре больших ям было установлено, что их боковые внутренние стенки выложены различными по размерам и форме каменными плитами серо-желтого песчаника и ракушечника. В некоторых ямах имеются поперечно лежащие плиты перекрытия. Каменные конструкции отдельных склепов выходят на уровень современной дневной поверхности. Отмечено и несколько грунтовых им без следов каменных конструкций. Во всех ямах, а также отвалах земли, в большом количестве находятся костные останки человека и животных, а также фрагменты керамических сосудов

Исходя из того, что границы исследуемых объектов были определены грабительскими раскопками, было принято решение разбить два раскопа над каждым погребением отдельно. Раскопы имели длину 3,5 м (В–З), ширину — 2,5 м (С–Ю) и были вписаны в единую сетку. После окончания работ на раскопе полностью фиксировалась стратиграфическая ситуация. Нивелировочные отметки для обоих раскопов брались от центрального репера (ЦР), за который был принят СВ угол раскопа № 1.

Раскоп № 1 (погребение № 1). Погребение прямоугольной формы было вытянуто по оси восток — запад на 2,6 м, ширина — 1,0 м, глубина — 0,6 м от поверхности земли. Погребение находился на самой вершине отрога на относительно ровной площадке, вероятно каменная конструкция выходила на поверхность земли и состояла из двух ложковых рядов каменной кладки обработанного известняка и песчаника, которая была разрушена грабителями, углубившимися на этой площади на 30 см. Лучше сохранился северный борт гробницы, где уцелело два ряда кладки наполовину длины борта. По южному борту сохранился нижний второй нижний ряд камней по всей длине. Верхний ряд был снесен грабителями и находился в отвале. В восточном борту сохранился один ряд камней. В западном борту сохранился лишь один камень.

Заполнение ямы представляло собой материковый грунт, состоящий из желтой глины с вкраплениями мелкой и крупной гальки, стенки погребения были прослежены по плотности грунта. Также в заполнении встречались мелкие фрагменты трубчатых костей человека.

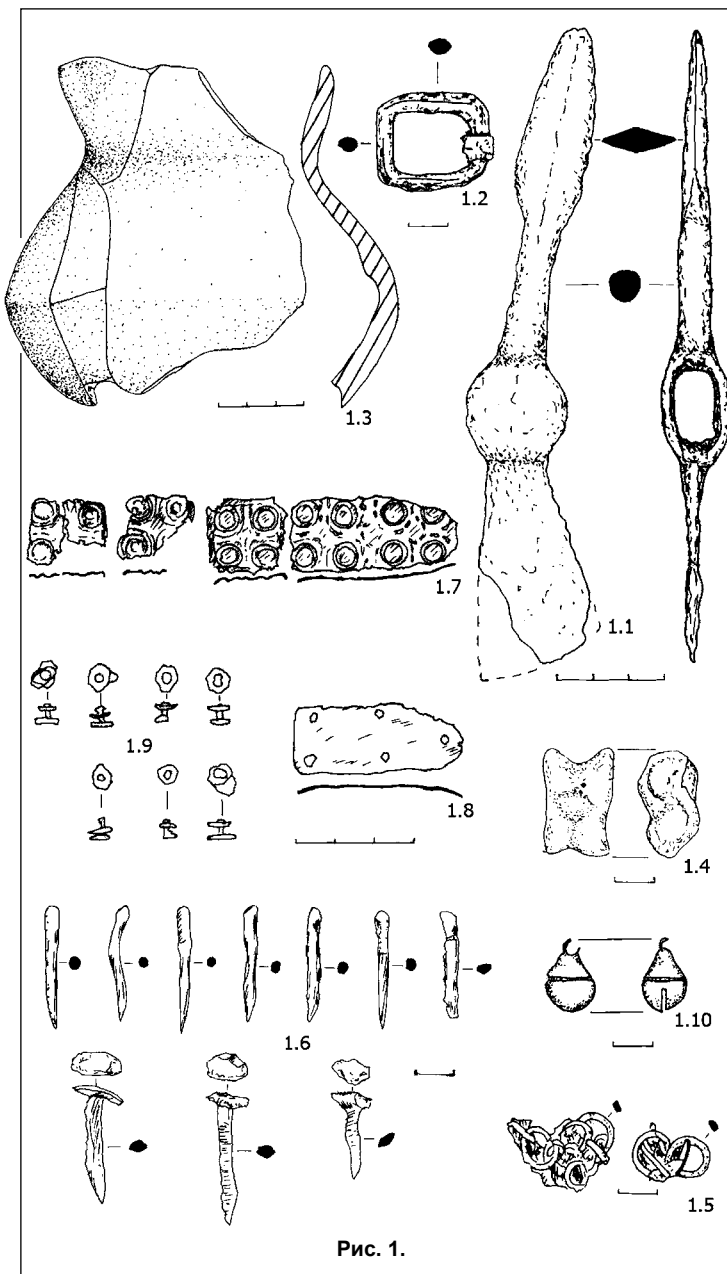

Рис. 1.

Раскопки данного погребения показали, что оно было ограблено, скорее всего еще в древности. При рекультивации раскопа в грабительском отвале были обнаружены:

- секира железная обоюдно ударная (клевец и топорик) длиной 17 см (рис. 1, 1), щиток втулки округлый в диаметре — 2,7 см, втулка подовальной формы размером 1,7 × 1,1 см. Нижняя часть топорика повреждена и, вероятно, в ширину была около 4 см, длина до втулки около 5 см, толщина пера 0,3 см. Клевец на высоком черешке 9,3 см, ударная часть ромбическая, четырехгранная 4,3 см.
- железная пряжка (рис. 1, 2) прямоугольной формы размером 2,9 × 2,6 см, в сечении ромбическая 0,4 см.
- фрагмент красноглиняной кружальной кувшина-кружки (рис. 1, 3), тулово овальное диаметром 8,7 см, от горловины идет раструбом венчик диаметром 6,1 см, реконструируемая высота сосуда около 13 см. Тесто хорошо отмученное с примесью кварца.

Раскоп № 2 (погребения № 2 А, Б, В, Г, Д). Находился на расстоянии 4,2 м к северо-востоку от центрального репера (северо-восточный угол раскопа № 1) на восточном склоне хребта. Погребение — склеп было выявлено по грабительскому раскопу размером 1х1 и глубиной около 70 см, кроме того, западный край каменных известняковых конструкций был выше современной дневной поверхности. Перекрытия, находящиеся на поверхности земли, состояли из крупных плоских камней, были частью сдвинуты грабителями, не потревоженным остался крайний западный камень. Две широкие, но достаточно тонкие плиты перекрытия в западной части сломались и рухнули вовнутрь погребения еще в древности. Длина погребения — 2,1 м, ширина — 0,95 м, глубина у западной стенки — 0,85 м, у восточной — 0,26 м от поверхности земли. Каменную кладку имели северный, южный, и западный борта склепа.

Северный борт состоял из плоского известняка, нижний ряд представлял собой кладку из 4 плоских камней, поставленных на ребро, второй и третий ряд представлены удлиненными камнями, уложенными к фасаду наиболее ровной стороной.

Южный борт состоял из плоского известняка, нижний ряд представлял собой кладку из 4 плоских камней, поставленных на ребро, второй, третий и четвертый ряды представлены удлиненными камнями, уложенными к фасаду наиболее ровной стороной.

Западный торцевой борт состоял из 4 рядов удлиненных грубо обработанных каменных блоков среднего размера уложенных в ложковой технике кладки.

Восточный борт не имел каменной кладки, вероятно, с этого края находился вход в склеп.

Заполнение состояло из сырого темно-серого суглинка с примесью перегноя и мелкой гальки, также в заполнении встречались мелкие фрагменты керамики, бронзовое височное кольцо диаметром 2,5 см (рис. 2, 1), альчик размером 2,5 × 1,7 см (рис. 1, 4).

На глубине 2,88 м от центрального репера в юго-западном секторе было выявлено скопление костей плохой сохранности, принадлежавшее четырем человекам. Кости были аккуратно сложены и являли собой предшествующие друг другу захоронения. Два черепа (Б и В) принадлежали взрослым людям, череп Г принадлежал подростку, Д — ребенку.

Основное погребение А (рис. 2, 2) находилось на глубине 3,19 м от центрального репера. Костяк плохой сохранности принадлежал взрослой женщине, покоившейся вытянуто на спине, череп лежал на правой височной кости. Руки были вытянуты вдоль тела, левая рука была сильно потревожена и смещена влево. Кости грудной клетки и позвоночника потревожены, вероятно, рухнувшим перекрытием. Берцовые кости немного смещены вправо.

С левой стороны в районе смещенной плечевой кости в 0,4 см к северо-востоку от черепа покойной находилось петелькой кверху литое биллоновое зеркало диаметром 4,8 см (рис. 2, 3). На запястье правой руки был надет бронзовый слегка уплощенный браслет толщиной 0,2 см (рис. 2, 4). Рядом с правым запястьем находилась красноглиняный кружка на плоском поддоне диаметром 5,7 см (рис. 2, 5), тулово овальное диаметром 8,7 см, по верхней части которого идет лощинная ногтем ломаная змейка. От горловины диаметром 7,9 см, раструбом идет изогнутый фестончатый венчик диаметром 9,5 см, который был сломан при обрушении перекрытия склепа. Ручка плоская, прикрепленная к тулову и средней части венчика. Тесто, хорошо отмученное с примесью известняка и кварца. Рядом с кружкой непосредственно на запястье лежало вотивное тесло — мотыжка размером 2,5 × 3,5 см, втулка не сомкнута, с остатками внутри дерева (рис. 2, 6). В ногах между стоп находилась кольцо диаметром 1,2 см, толщиной 0,2 см (рис. 2, 7). При разборке костяка под черепом обнаружено бронзовое височное кольцо, возможно — серьга (рис. 2, 8).

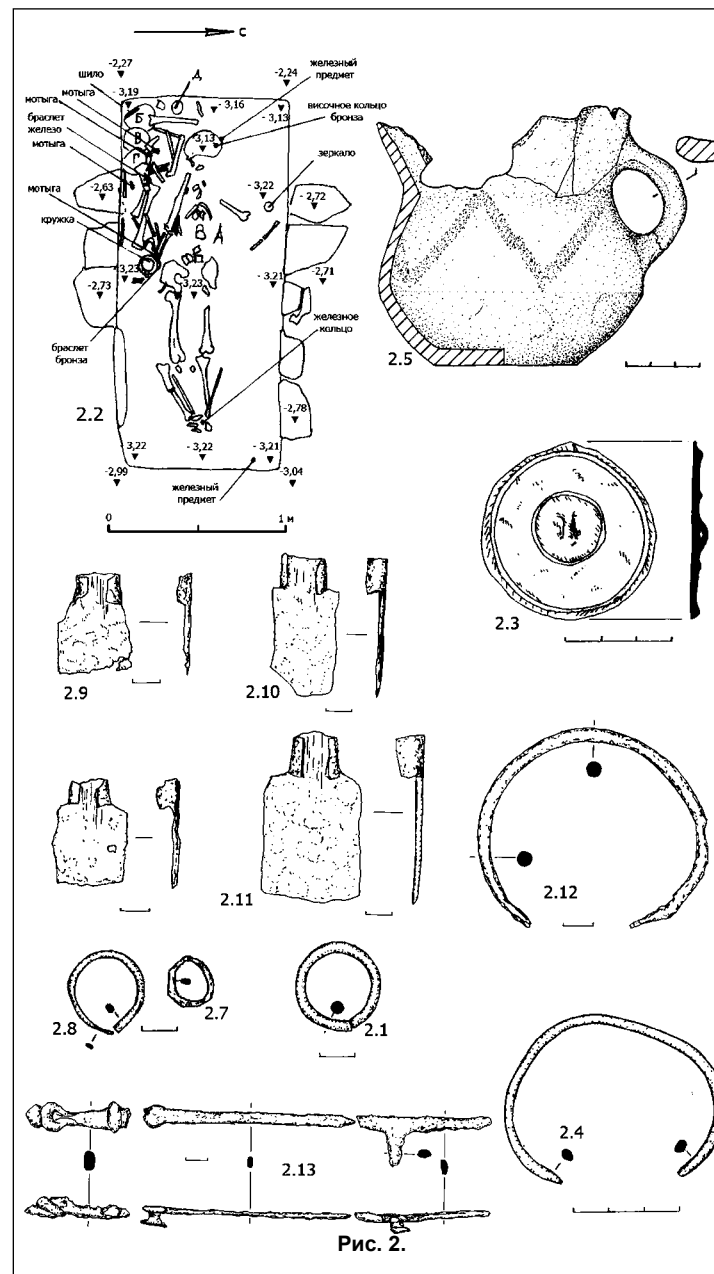

Рис. 2.

При разборке костей в юго-западном секторе склепа был выявлен следующий материал: под черепом Б лежало железное квадратное в сечении шило размером $8,8 \times 0,4$ см; рядом с черепами В, Г находились два маленьких тесла, одно имеет отверстие, втулка разомкнута, размер — $3,6 \times 2,6$ см (рис. 2, 9), второе имеет один обломанный край, размер — $5,3 \times 2,4$ см (рис. 2, 10), третье тесло крупнее остальных, находилось в 5 см к востоку от черепа Г и имело размеры $6,5 \times 3,8$ см (рис. 2, 11); рядом с черепом Г к востоку лежал железный браслет с расплюсченными концами, диаметр — около 7,9 см, толщина — 0,5 см (рис. 2, 12); три фрагмента оковок в виде железных полосок с заклепками на которых сохранились следы древесины, на одном фрагменте А оковка снабжена петелькой с продетой в нее кольцом (рис. 2, 13), размеры: А — $4,9 \times 0,9 \times 0,6$ см, Б — $9,7 \times 0,5 \times 0,3$ см; В — $6,2 \times 0,7 \times 0,3$ см; два сильно коррозированных бесформенных фрагмента кольчуги (рис. 1, 5); десять гвоздей со следами древесины средним размером $3,3 \times 0,3$ см, сохранившиеся шляпки овальные размером $1,1 \times 0,7$ см (рис. 1, 6); пять бронзовых фрагментов деталей ремня, украшенных циркульным орнаментом, три из которых имеют квадратную форму 2×2 см (рис. 1, 7), два фрагмента являются внешней и внутренней стороной наконечника ремня размером $4,2 \times 1,9$ см (рис. 1, 8); 7 бронзовых заклепок, относящихся к поясной гарнитуре, снабженных с одной стороны шайбой, размеры шляпки и шайбы в среднем $0,6 \times 0,5$ см, толщина заклепки — 0,2 см (рис. 1, 9); бронзовая пуговица-бубенчик грушевидной формы размером $1,2 \times 1,8$ см (рис. 1, 10).

Предварительный анализ материалов исследованных погребений позволяет отнести их к IX–XII вв.

Список иллюстраций: 1.1. Секира (железо); 1.2. Пряжка (железо); 1.3. Кружка (керамика); 1.4. Альчик (кость); 1.5. Фрагмент кольчуги (железо); 1.6. Гвозди (железо); 1.7. Детали поясного набора (бронза); 1.8. Деталь поясного набора (бронза); 1.9. Заклепки от поясного набора (бронза); 1.10. Пуговица-бубенчик (бронза). 2.1. Височное кольцо (бронза); 2.2. План погребения; 2.3. Зеркало (биллон); 2.4. Браслет (бронза); 2.5. Кружка (керамика); 2.6. Тесло (железо); 2.7. Кольцо (железо); 2.8. Височное кольцо (серега); 2.9. Тесло (железо); 2.10. Тесло (железо); 2.11. Тесло (железо); 2.12. Браслет (железо); 2.13. Оковка (железо).

А. А. Головлев, С. Л. Дударев

Средневековый памятник на туристской тропе

Один из авторов этой заметки, доктор геогр. наук, проф. А. А. Головлев во время посещения в мае 2009 г. с экскурсионно-туристскими целями района Теберды и Домбая, во время осмотра Нижне-Архызского музея-заповедника, ознакомился с каменным изваянием, которое вызывало его интерес. Фотографии памятника были отосланы проф. С. Л. Дудареву, после чего возникла идея коротко поделиться впечатлениями от данного объекта.

Изваяние находится в правобережной части долины реки Большой Зеленчук на отрезке между балками Подорванной и Церковной, недалеко от края высокой речной террасы. Ближайший к изваянию населенный пункт — Нижняя Ермоловка — находится примерно в 6–7 км по течению Большого Зеленчука. Административно памятник располагается на территории Карачаево-Черкесской республики.

Прежде всего, следует заметить, что авторы не могут утверждать, опубликован этот памятник или нет (во всяком случае, он находится на нахоженной тропе). Тем не менее, его оригинальность в любом случае заставляет обратить на себя внимание. Высота объекта приблизительно 3–3,5 м. Материал, из которого изготовлено изваяние — предположительно песчаник.

Памятник имеет в нижней части сигарообразную форму, которая конусообразно сужается вверху, завершаясь головой с тяжелыми, массивными чертами лица тюркского типа, от которого веет спокойствием и достоинством, посаженной на мощную шею. «Плечи» изваяния едва намечены. От подбородка вниз идет довольно широкая ложбина (рис. 1–2). Фаллический изоморфизм изваяния совершенно очевиден. Никаких иных изображений, кроме «личины», на памятнике нет. Одновременно он создает впечатление человека, плотно завернутого в саван.

Верхнее Прикубанье богато на средневековые изваяния. Еще в середине XIX в. Ф. Жиллем было здесь отмечено 300 фигур из камня. Различные исследователи впоследствии обратились к анализу верхнекубанских изваяний (Х. Х. Биджиев, В. А. Кузнецов, Е. Л. Соснина, С. Н. Малахов, А. В. Пьянков, Е. И. Нарожный и др.). Типологический ряд здешних монументов достаточно разнообразен,

а их хронологический разброс достаточно велик. Например, Е. И. Нарожный полагает, что «каменные изваяния Верхнего Прикубанья, будучи тюркскими по своему происхождению, были занесены на Верхнюю Кубань в VII–VIII вв.» [1]. Примечательно то, что рассмотренные им объекты имеют выраженное изображение рук (с вариантами расположения), несут изображения различных атрибутов — сабель, плетей, крюков, секир. С другой стороны, С. Н. Малахов полагает, что каменная пластика Северного Кавказа (особенно Верхней Кубани) с изображениями крестов в основном укладывается в рамки XIV–XVI вв., хотя доживает и до первой четверти XVII в. (знаменитый Дука-Бек) [2]. Более выразительный рельеф изваяний вообще характерен для степных древностей от древнетюркского до половецкого круга памятников, хотя и в степи встречаются стелы, отмеченные сильной схематизацией [3]. На «нашем» изваянии нет никаких аксессуаров, идентификация которых могла бы помочь его четкой датировке. Думаем, что ее нужно оставить пока открытой. Единственные относительно сходные параллели, которые удастся обнаружить — это некоторые восточноевропейские изваяния рубежа XI–XII вв. [4]. Кроме того, следует принять во внимание сами размеры памятника, которые тяготеют к изваяниям типа того же Дука-Бека, что может, в принципе, указывать и на более позднюю дату, чем вышеприведенная.

Фаллический изоморфизм памятника является данью традиции, существовавшей в степи с древних времен. Такой же чертой, например, были наделены знамениты оленные камни Центральной Азии и «киммерийские» стелы Восточной Европы. Фалл в самых различных архаических культурах воспринимался как один из эквивалентов космического столпа. Фалломорфность оленных камней, очевидно, связана с материальным воплощением идеи мировой оси/мирового древа. В то же время, оленные камни и киммерийские стелы обладали как скрытой, так и реальной антропоморфностью [5]. Хотя эти изваяния отделены от рассматриваемого промежутком примерно в 2000 лет, семантическое сходство между ними совершенно очевидно и может быть объяснено близостью идеологических представлений в кочевой среде на протяжении многих столетий. Изображенный персонаж мог быть воплощением идеи полубожественного первопредка, солярного героя и т. п. Его космическое измерение вполне объяснимо. Такие мифологические персонажи, олицетворенные в конкретном изваянии, являлись посредниками меж-

ду социумом и высшими силами, были связаны с моделью мира своей культуры, являясь одновременно и структурирующей точкой окружающего пространства.

Нельзя не отметить и то, что территория, на которой находится памятник — Нижне-архызское аланское городище — в X–XI вв. центр Аланской епархии. Если считать, что языческое изваяние относится к этому времени, то как совместить его с христианством? Недавнее исследование А. Ю. Погребного убедительно показало, что в верованиях алан даже после принятия христианства сохранялся мощный пласт прежних дохристианских представлений, и они были весьма терпимы к проявлениям таковых [6]. Но эта черта свойственна не только «этнизированному христианству». В сфере ислама можно также наблюдать, как в центре государства Волжская Болгария в XIV в. жили группы племен, не принявших мусульманства, но допущенных в самый центр страны, к ее столице, и здесь отправлявших свои культы [7]. Впрочем, если представленное нами изваяние было воздвигнуто уже после разрушения христианских центров Северного Кавказа в результате монгольского нашествия, то его наличие в указанном месте удивляться совсем не приходится.

Каково было отношение местного населения к этому памятнику в последующие столетия, когда на эту землю пришел ислам? Об этом, при отсутствии конкретных сведений, можно только гадать. Во всяком случае, карачаевцы могли воспринимать его как объект, связанный с памятью предков, а, следовательно, заслуживающий уважения и сохранения. Но не исключено и другое. Фаллический изоморфизм монумента заставляет вспомнить о том, что среди горцев в древности и средневековье было распространено почитание фаллообразных памятников, связанных с культами плодородия [8]. Эти культы существовали среди горского населения вплоть до XX в. Возможно, что изваяние из Нижнего Архыза могло напоминать горцам-мусульманам об элементах старинных верований, представления о которых стойко держались в специфической местной среде, для которой был присущ синкретизм идеологических представлений. Н. Н. Великая указывает, что «несмотря на то, что мусульманское духовенство вело активную борьбу с пережитками более ранних религиозных верований, у карачаевцев стойко сохранялось почитание деревьев, **камней** (выделено нами. — Авт.) и пр., вера в духов-покровителей определенных мест» и т. д. [9]. Возможно, что отголоски древних культов плодородия,

камней, память о героизированных предках способствовали сохранению данного и подобных изваяний местным населением.

ПРИМЕЧАНИЯ: 1. *Нарожный Е. И.* О верхнекубанских средневековых изваяниях // *Материалы и исследования по археологии Кубани.* Вып. 2. Краснодар, 2002. С. 136. 2. *Кузнецов В. А.* Изваяние «Дука-бек»: историко-археологические проблемы // *Историко-археологический альманах.* Армавир–Москва, 1999. С. 96; *Малахов С. Н.* Северокавказские каменные изваяния с христианскими символами: итоги и перспективы изучения // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа.* Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. Москва, 2008. — С. 695–696. 3. *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. — Санкт-Петербург, 1994; табл. VIII–IX; *Навротский Н. И.* Половецкие каменные изваяния Армавирского краеведческого музея // *Историко-археологический альманах.* № 1. — Армавир, 1995; *Степи Евразии в эпоху средневековья.* М.: Наука, 1981; рис. 22–23, 82, 87–88. 4. *Степи Евразии в эпоху средневековья.* М.: Наука, 1981. С. 259, рис. 82. 5. *Ольховский В. С.* Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. С. 86–87. 6. *Погребной А. Ю.* Особенности христианизации Западной Алании во второй половине VII–XIV вв. / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Ростов-на-Дону, 2009. 7. *Степи Евразии в эпоху средневековья.* М.: Наука, 1981. С. 259; рис. 212. 8. *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 47; *Шапиев Ш. М., Карпеев И. В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М.: Мол. Гвардия, 2003. С. 347; *Хачатрян Т. С.* Древняя культура Ширака. Ереван, 1975. С. 149–150. 9. *Великая Н. Н.* Исламизация Северного Кавказа (VII–XIX вв.). — М.: РИЖ, 2009. С. 92.

С. Л. Дударев, К. Ю. Лотиев

Железный топорик из селения Учкулан

В сентябре 2010 г. на правобережном склоне ущелья реки Кубань в 1,5–2 километрах к северо-востоку от впадения в нее реки Учкулан (Карачаево-Черкесская республика) близ одноименного села (рис. 1), на зарастающей крупнообломочной осыпи (рис. 2) участник российско-китайской герпетологической экспедиции по Центральному Кавказу, организованной Зоологическим Институтом РАН (Санкт-Петербург) кандидат биологических наук К. Ю. Лотиев обнаружил железный топорик.

Предмет имеет вытянутое, расширяющееся книзу лезвие и практически шаровидную проушную часть. Обушок образца обломан. Возможно, он оканчивался прямым бойком, но не исключено, что окончание верхней части топора могло располагать гвоздевидной шляпкой, либо имело округлую форму. Длина сохранившейся части экземпляра — 13,5 см (рис. 3). Подобные данному то-

порику образцы вооружения обнаружены в материалах аланской культуры Северного Кавказа (В. Б. Виноградов, Х. М. Мамаев, В. Б. Ковалевская) и в салтово-маяцких древностях (С. А. Плетнева) IX–XI вв.

В связи с публикуемой находкой примечательно то, что «на *левой стороне* (курсив наш. — авт.) реки Учкулан, в двух километрах выше слияния ее с рекой Хурзук» (т. е. Кубань), Т. М. Минаева в свое время обнаружила могильник, располагавшийся на каменистых склонах горного хребта, и состоявший из овальных грунтовых ям, обставленных крупными камнями неправильной формы, который был датирован ей IX–XII вв. [1]. Очевидно, что район обнаружения находки, сделанной К. Ю. Лотиевым, территориально близок памятнику, найденному Т. М. Минаевой. Но связан ли с ним данный экземпляр, однозначно утверждать невозможно. Наш топорик поднят на правой стороне реки Кубань, в 3–5, 4-х километрах от района практически одновременного ему могильника.

Не можем исключить того, что находка из селения Учкулан указывает на существование нового археологического объекта, непосредственное обнаружение которого — дело будущих разведок.

ПРИМЕЧАНИЯ: 1. См. подробнее: *Алексеева Е. П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. — М.: Наука, 1992. — С. 92.

М. Ю. Федосов

Курильницы верхнекубанских типов на Среднем Дону

Курильницы — не самая характерная для среднедонской катакомбной культуры (СКК) категория керамического инвентаря. На выборку в 546 комплексов их найдено всего 21. Цифра приведена без учета погребений павловско-усть-курдюмского типа, относимых нами к донецкой катакомбной культуре, и отдельных погребений маньчского круга, sporadически встречающихся в восточной части Волго-Донского междуречья. Относительно небольшое количество известных на сегодняшний день курильниц СКК, тем не менее, представлено большим разнообразием типов, в числе которых выделяются экземпляры на четырех высоких раздельно стоящих ножках, заканчивающихся квадратной или крестовидной основой. Таковых 8 единиц. Впервые они были отмечены именно в Среднем и Верхнем Прикубанье и в Пятигорье, и именно оттуда происходит абсолютное большинство курильниц указанных форм. За исключением двух экземпляров из могильника Прилепы II 2/1, 3/4, подобные изделия происходят из курганов Левобережья. По классификации А. Л. Нечитайло [1] они соответствуют 2 типу, по классификации В. Г. Егорова [2] — 7 типу (Павловский I 47/4, Прилепы II 2/1 — впрочем, их можно охарактеризовать как переходные от 7 к 8 типу), 8 типу (Подгорный 3/2), 9 типу (Туголуковский 1/7, Прилепы II 3/4, Глазуновский 11/1). У некоторых курильниц основание ножек не сохранилось (с отделением: Березовский 10/1 [3] Павловский I 38/3). Как видно, большинство изделий без отделения в плоске, причем у курильницы из Павловского I 38/3 оно намечено невысоким налепным валиком и потому не могло нести какой-либо практической функции [4]. Курильница из Глазуновского могильника миниатюрных размеров, с уникальной для данного типа квадратной чашей. Главным отличием от верхнекубанских образцов является отсутствие прямоугольных в горизонтальном разрезе ножек.

Все курильницы орнаментированы, хотя пышность орнамента варьируется от заштрихованных треугольников,

выполненных в шнуровой технике (одинарный, двойной однонаправленный шнур, тесьма), в ряде случаев сочетающихся с наколами, до горизонтальных и вертикальных поясков из ногтевых вдавлений (Павловский I 38/3), прочерченных углов вершинами вверх (Прилепы II 3/4) и, наконец, неаккуратных оттисков личиночного штампа (Глазуновский 11/1) [5]. Имеются оттянутые (Павловский II 47/1) и налепные (Прилепы II 2/1) валики. Зачастую орнамент переходит на венчик и ножки (Туголуковский 1/7, Подгорный 3/2, Павловский I 38/3, 47/1). Однако, в отличие от прикубанских образцов, неорнаментированных экземпляров нет.

В целом рассматриваемые курильницы имеют достаточно позднюю хронологическую позицию в рамках СКК, которая сама по себе является позднекатакомбным образованием, время бытования которого определяется исключительно костромским этапом металлообработки. На основании формы и орнаментации сопутствующей керамики, особенностей погребального обряда наиболее ранним, по всей видимости, можно считать миниатюрный экземпляр из ст-цы Глазуновской, наиболее поздними — погребения из Прилепского II могильника.

Встречаются на Среднем Дону и курильницы «классического» типа (тип 4 по В. Г. Егорову, 10 экз. + 1 экз. на трех сросшихся в основании ножках), причем несомненен период их хронологического сосуществования. Однако, как и в Прикубанье, не отмечена их взаимовстречаемость в одном комплексе, хотя известно погребение СКК с двумя курильницами (Перекопка V 1/7), неоднократно курильница помещалась в погребение вместе с одной или несколькими жаровнями. С другой стороны, доля левобочных погребений в общей массе комплексов СКК с курильницами приближается к 50%, и рассматриваемая в данной публикации небольшая выборка полностью соответствует общей картине. Если вдобавок учитывать определенную инфильтрацию маньчского населения на Средний Дон, находки среднедонской керамики в ЗМК, то, казалось бы, вывод отсюда можно сделать только один — курильницы верхнекубанских типов, как и «классической» формы — были привнесены на Средний Дон носителями катакомбных культур маньчского круга. Однако, среди более 1000 известных автору комплексов этих образований, такие курильницы встречены лишь дважды — Крепинский I 16/19 (ЗМК, Багаевский район Ростовской обл.), Павлодольская 2/4 (ВМК, Моздокский район РСО — Алании). Таким образом, мы имеем две, пусть и неравнозначные в количе-

стенном плане, но недостаточно устойчивые группы вещей, обладающие при незначительных локальных различиях стабильным набором общих признаков. Они возникли в культурных образованиях, расположенных на периферии культур маньчжского круга. В таком случае, появление курильниц на четырех высоких отдельно стоящих ножках, заканчивающихся квадратной или крестовидной основой, можно рассматривать как определенные попытки «противопоставления» эпицентру данного ритуала, возникшие независимо друг от друга.

ПРИМЕЧАНИЯ: 1. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в эпоху средней бронзы. Киев, 1978. С. 121, 124. 2. *Егоров В. Г.* Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 156, 160, 161. 3. *Курильница* из раскопок В. И. Мамонтова 1966 г. отреставрирована с искажением первоначальной формы. 4. В публикации Павловского I могильника (*Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж, 1983) и последующих курильница нарисована неверно. 5. В публикации Н. В. Панасюк (*Панасюк Н. В.* Курильницы среднедонской катакомбной культуры // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж, 2009. С. 267–270) в описании этой курильницы допущена ошибка.

С. Н. Малахов

Средневековый бронзовый крест из отрадненского музея

Изучение предметов мелкой культовой металлопластики Алании (кресты-тельники, энколпионы, иконки) дают возможность уточнить хронологические границы масовой христианизации, церковные и торговые связи, степень воцерковленности местного населения и особенности индивидуальной религиозности.

Публикуемый нательный крестик (рис. 1. 1) из медного сплава — литой равноконечный, с широкой проушиной на высокой ножке над верхней лопастью, концы закруглены, оборотная сторона плоская, на лицевой — резцом обозначена прямая фигура Христа в тунике до пят, голова большая, низко посаженная подтреугольной формы, руки прямые, кисти рук большие. Складки колобия, как и фигура Христа, смоделированы резцом. Общие размеры, с учетом петли для подвешивания, — 5,6 x 4,4 см. По данным М. Н. Ложкина, крест происходил из подъемного материала Ильичевского городища (X–XIII вв.); в настоящее время хранится в Отрадненском музее (ст. Отрадная Краснодарского края, ОФ № 3236). Обстоятельства выявления предмета не могут служить для более точной датировки,

но иконографические особенности изображения Христа позволяют внести определенные уточнения.

Крест по иконографическим признакам близок к крестам с так называемым грубым изображением распятого Христа. Кресты подобного типа были распространены на Руси и в Северной Европе со второй половины X по конец XI века [1]. Относительные аналогии ранним крестам этого типа происходят из Великой Моравии середины — второй половины IX в. [2].

В. В. Седов, предпринимавший попытку решить вопрос о происхождении крестов с «грубым изображением Распятия» писал: «Имеются все основания полагать, что древнерусские крестики исследуемого типа ведут свое происхождение от византийско-подоунавских..., а в Фенно-Скандии крестики рассматриваемого типа появились в XI веке из Древней Руси» [3]. Позднее он отметил более определенно: «...истоки этих крестов находятся в Великой Моравии» [4].

А. Е. Мусин, в целом не возражая против выводов В. В. Седова, допускает, что кресты с Распятием могли быть связаны с великоморавской миссией свв. Кирилла и Мефодия в 60-х гг. IX в., а крестики могли являться «крещальными символами местного населения» [5]. Подобные кресты через варягов, служивших на Руси и в Византии, могли попасть в Скандинавию, что породило версию об их североευропейском происхождении. Помимо великоморавских, исследователи также не исключают влияния византийских энколпионов IX–X вв. на иконографию подобного типа крестов [6].

Действительно, некоторые бронзовые кресты из Венгрии периода династии Арпадов (997–1301) [7] имеют почти полную аналогию находкам с Северо-Западного Кавказа (рис. 1, 8) и датируются по археологическому контексту X–XI вв., а по иконографии восходят к крестам-реликвариям сиропалестинского типа [8].

А. Е. Мусин считает, что непосредственно из Древней Руси кресты этого типа «могли попасть в Причерноморье: в Аланию, Херсонес и Диногетию (Румынию)» [9], допуская при этом ошибку — Алания не локализовалась в Причерноморье (автор на карте размещает Змейский катакомбный могильник на Тамани). Исходная иконография этого типа Распятия, несмотря на финальные варианты, исключительно разнообразные, сформировавшиеся в Скандинавии, Средней Европе и на Руси, возникает в VI–VII вв. в мастерских сиро-палестинского региона и стано-

вится моделью для массового производства в постиконоборческий период (вторая половина IX–X вв.).

О ближневосточном происхождении иконографии Христа свидетельствует изображение колобии — длинного хитона на Спасителе; колобий, как правило, не имел рукавов, поэтому спиралевидный орнамент на руках распятого — попытка обозначить перевязи на руках. Одно из ранних изображений Христа в колобии сохранилось на миниатюре со сценой Распятия в Евангелии Равулы. Его сирийский текст и миниатюры были созданы в 586 году на территории восточной Сирии, в местечке Загба [10]. Христос в колобии с рукавами изображен на серебряном блюде из Пермской области; блюдо было изготовлено сирийским мастером-несторианином в Сасанидском Иране и датируется VII–VIII вв. Архаическая иконография в изображении Распятия представлена на миниатюрах Хлудовской псалтири, созданных, вероятно, во второй половине IX века [11]. На некоторых византийских миниатюрах «триумфирующий Христос» в колобии еще изображается до середины XIII века [12].

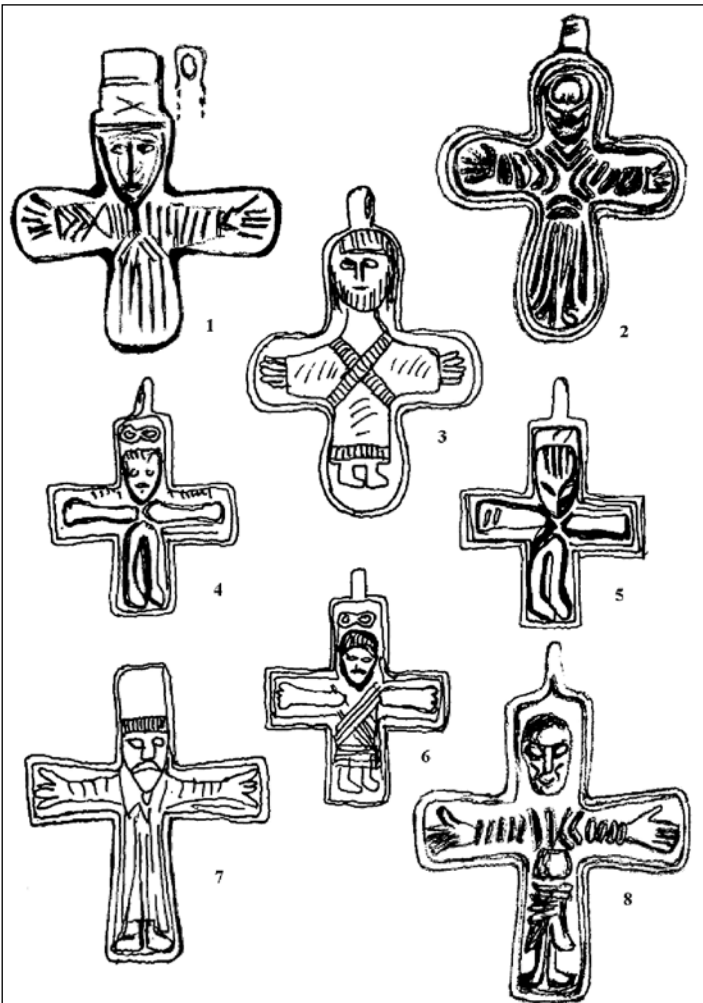
Таким образом, изображение Христа в длинном хитоне (иногда скрывающем даже ступни ног), с рукавами или без (рукава могли передаваться на металле в виде складок), или перевязью на руках, с подчеркнута крупными кистями рук, большой головой, склоненной вправо или смотрящей прямо, было, вероятно, характерно для мелкой культовой пластики провинциальных византийский ремесленных мастерских X–XI вв., ориентированных на образцы, происходившие из Святой Земли.

Еще один элемент восточной (сиро-палестинской) иконографии в изображении Распятия — крестовидная перевязь на груди Спасителя. Она присутствует на миниатюре с Распятием из Евангелия Равулы, на сирийском блюде из Пермской области, очень четко обозначено на крестике из Шенако (Грузия) [13; рис. 1, 3]; схематически эта перевязь передается в виде остроугольных складок колобии на крестиках из Абхазии, резными линиями на публикуемом крестике и условной «расчлененностью» тела Христа на крестиках из Змейского катакомбного могильника, пос. Шахта № 6 (Карачаево-Черкесия) и Ильичевского городища (рис. 1, 4, 5, 6). На крестиках из Руси и Скандинавии эта перевязь часто приобретает декоративную функцию, превращаясь в «плетенку» в виде косога креста [14]. Перевязь четко прослеживается также на серебряном крестике с Ильичевского городища (рис. 1, 6).

Еще одним элементом, указывающим на ближневосточное происхождение крестиков с «грубым изображением Распятия» является изображение ног Спасителя. В рассматриваемой группе крестов наблюдается три варианта: 1) ступни ног скрыты хитоном; 2) ступни ног расставлены в стороны, а набедренная повязка доходит до середины ног и внизу расходится в виде треугольных фалд; 3) ступни ног не закрыты хитоном (или он не изображен), но повернуты вправо.

Как отмечает А. А. Иерусалимская, традиция изображения ног повернутых в профиль при фронтальности фигуры является чертой восточного искусства: «В раннесредневековом искусстве она типична для памятников сиропалестинского мира, откуда эта традиция, по-видимому, была передана в Киликию и Закавказье» [15]. Расположение ступней вправо или влево (последнее встречается чаще) у Христа, или при изображении святых прослеживается на так называемых «сирийских энколпионах», происходящих с территорий Греции, Болгарии, Венгрии, Румынии, Закавказья, Крыма и Северного Кавказа. С учетом археологического контекста, а в ряде случаев синхронного нумизматического материала, энколпионы датируются X–XI [16] или X–XII веками [17]. Сирийский «генезис» крестов с изображением «триумфирующего Христа» не позволяет согласиться с мнением В. А. Кузнецова (опиравшегося на предположения А. В. Банк), что, например, серебряный крестик с Ильичевского городища (рис. 1, 6), мог иметь западно-европейское происхождение [18], а также предположением Л. Г. Хрушковой, что бронзовый крест с изображением Христа в архаичном иконографическом типе (рис. 1, 8) следует датировать раннехристианским временем [19].

Рассмотренный бронзовый крест из Отраденского музея, а также близкие аналогии из с. Лыхны, Сухума, Тушетии не выходят за рамки второй половины X–XI в.; их сближает равноконечная форма креста (хотя есть определенные отличия), и, в частности, сиропалестинские элементы — перевязь на груди Христа, изображение ступней влево на крестах-гельниках из Алании (ст. Змейская, пос. Шахта № 6, Ильичевское городище). Примитивизм и условность изображения свидетельствуют в пользу массового производства последних и, возможно, более позднего периода (XI — начало XIII в.). Такие крестики-гельники могли изготавливаться в Алании или поступать из Закавказья, а также восточных провинций Византии.

- 1 – Отрадненский музей (Ильичевское городище);
- 2 – с. Лыхны (Абхазия);
- 3, 7 – с. Шенако (Грузия);
- 4 – пос. Шахта № 6 (Карачаево-Черкесия);
- 5 – ст. Змейская;
- 6 – Ильичевское городище;
- 8 – Сухум (Абхазия).

Рис. 1. Кресты с изображением Распятия.

Изображение распятого Христа в колобии, исполненное резцом на уже отлитой заготовке, требовало устойчивых ремесленных навыков, было связано с производством, ориентированном на массового потребителя. Подобная иконография получает распространение в византийской художественной культуре со второй половины IX в. В Аланию кресты с грубым изображением Распятия начинают поступать не ранее середины – второй половины X в. из малоазийских провинций Византии и могли иметь хождение среди местного населения до рубежа XI–XII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ: 1. См.: Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002. С. 152–155. 2. Седов В. В. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 63–67. 3. Там же. С. 65–66. 4. Первые находки этих крестов на Руси относятся ко времени до официального крещения и свидетельствуют, что в VII–X вв. имели место многократные оттоки славянского населения из Дунайского региона в Восточную Европу. Подробнее см.: Седов В. В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 547. 5. Мусин А. Е. Указ. соч., с. 166. 6. См.: Там же. С. 168, рис. 91, 1; Пескова А. А. Крест с Распятием из Лила Клинтегарда (о. Готланд) и его византийский прототип // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 254–262. 7. Lovag Zs. Bronzene Pektoralkreuze aus der Arpadenzeit // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1980. Т. 32, s. 365. Abb. 2, 9. Ср.: Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С. 199, 203; рис. 71, табл. LXXX, 2. 8. Lovag Zs. Op. Cit., s. 371. 9. Мусин А. Е. Указ. соч., с. 169. 10. Дэвид Талбот Райс. Искусство Византии. М., 2002. С. 34, илл. 26; Мусин А. Е. Указ. соч., с. 158–159, рис. 71, 72. 11. Щепкина Н. В. Миниатюры Хлудовской псалтыри. Греческий иллюстрированный кодекс IX века. М., 1977. Лл. 20, 45 об., 63, 72 об. 12. См.: Мусин А. Е. Указ. соч. С. 158. 13. Долаберидзе Р. М. Археологический материал из с. Шенако (Тушетия). Тбилиси, 1973. Табл. I, 1. 14. Ср.: Мусин А. Е. Указ. соч. С. 154; рис. 63, 7, 9–11, 14; рис. 67. 15. Иерусалимская А. А. Находки предметов христианского культа в могильнике Мощевая Балка // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Сб. статей. Л., 1985, с. 104. 16. Дончева-Петкова Л. О дате двух типов средневековых крестов-энколпионов // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 128–130. 17. См.: Крамаровский М. Г., Гукин В. Д. Крест-реликварий XII — начало XIII века из могильника в пригороде золотоордынского города Солхат (Крым) // Византийская идея. Византизм в эпоху Комнинов и Палеологов. Сб. научных трудов. СПб., 2006. С. 57–59. 18. Кузнецов В. А. Феодалное зодчество Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 100, прим. 309. 19. Хрушкова Л. Г. Указ. соч. С. 203.

С. А. Голованова

Русско-северокавказские культурные взаимодействия (X–XII вв.)

Одной из областей взаимодействия Руси и Северного Кавказа является декоративно-прикладное искусство [1; 7; 8]. В литературе утвердилась точка зрения о посредниче-

ской роли Кавказа между странами Востока и Русью в деле освоения искусства черни [6]. Технику чернения освоили в Дагестане еще в эпоху «Гуннского царства» под воздействием Сасанидских традиций металлообработки, не исчезла она и в хазарское время. Хорошо знали технологию чернения и в Саркеле, которая развивалась здесь, «на протяжении, по крайней мере, полувека, а может быть, и целого столетия» [8. — С. 26–27]; владели этой техникой и в конце X — начале XI в. В технике черни выполнена поясная бляшка, найденная в русском слое Саркела. Известны стилистически близкие ей предметы с чернью из Дардонского могильника в Карачаево-Черкесии. В русских древностях первые вещи с чернью были найдены в X в. в Гнездове, близ Киева, Табаевки на Черниговщине [14. — С. 45; 5. — С. 187–188; 12. — С. 33, 39–47], в изготовление которых принимали участие, по мнению Т. И. Макаровой, восточные мастера [12. — С. 29]. Появление черного дела на Руси в немалой степени способствовала Хазария. Замечено, что после падения каганата в 965–969 гг. чернение стало одним из способов декора русского оружия. Т. И. Макарова писала: «Все исследователи, задававшиеся вопросом о происхождении черни на Руси, обращались в поисках ее истоков к народам Востока... далеко ходить не надо было: «Восток» стоял у дверей Руси то в качестве врага, то в роли союзника» [12. — С. 33].

Общие черты орнаментики, представленной на изделиях из металлов, седлах, тканях в русских и северокавказских аланских древностях выделяет В. А. Кузнецов. Одним из основных элементов орнамента являлась спиральная плетенка, иногда образующая медальон, византийская по происхождению, то же можно отметить и для фигур птиц, заключенных в медальон, павлинов, сидящих на дереве или жертвеннике. Как объяснил В. А. Кузнецов: «Византийское влияние, отразившееся в орнаментике этих и других находок, по-видимому, было получено сложным опосредованным путем через Русь. Проводником этого влияния, шедшего из Руси, вероятно, была Тмутаракань» [7. — С. 116–117].

В памятниках X–XII вв. Верхнего Прикубанья и Пятигорья (Адигох, Кольцо-Гора, Лесхоз, Рим-Гора, Мебельня фабрика) выделяются так называемые «трезубцы» — овалы бронзовые пластинки с тремя окончаниями, являющиеся амулетами с обереговым значением. Форма пластинки имеет некоторое сходство с видом крупной птицы с приподнятыми крыльями. Происхождение данных предметов еще

не вполне ясно, прямых прототипов им в северокавказских материалах X в. не выявлено. С. Н. Савенко отмечал сходство северокавказских «трезубцев» с древнерусскими знаками Рюриковичей» по форме и смысловой нагрузке не исключает их возможную связь, так как с X в. усиливаются русско-северокавказские контакты [15. — С. 61].

Интересная находка сделана в окрестностях Нальчика. В курганном захоронении И. А. Владимировым в 1897 г. было обнаружено железное навершие стяга в виде знака Рюриковичей [11. — С. 141–142]. Б. А. Рыбаков отмечал необычайное сходство этого навершия со знаком Мстислава, первого тмутараканского князя. Навершие повторяло все его элементы: два боковых зубца, средний конец в виде ромбического копья с горизонтальной перекладиной под острием копья. Аналогией ему служит найденная на Тамани костяная накладка лука с тщательно выгравированным знаком Мстислава [13. — С. 242].

Большой интерес представляют средневековые ингушские подвески (Ингушетия). Основным районом из распространений является горная Ингушетия (Джейраховское и Ассиновское ущелья), несколько экземпляров данных украшений известны в Чечне и Дагестане [9. — С. 64]. По форме ингушские украшения представлены простыми подвесками-лунницами и подвесками, по внешней стороне украшенными выступами-лопастями, среди которых наиболее часто встречаются восьмилопастные подвески, по подсчетам Р. А. Даутовой, их было 70, по одному экземпляру имеется подвесок с семью и девятью лопастями, а также 5 шестилопастных [3. — С. 162]. Многие вопросы, связанные с их эволюцией, типологией и хронологией не нашли еще окончательного решения. Л. П. Семенов обратил внимание на их близость с известными славянскими семилопастными женскими украшениями XI–XIII вв. в особенности вятическими [16]. Арабское происхождение славянских колец обосновывали В. И. Сизов и А. В. Арциховский [17; 2]. К такому же выводу относительно ингушских подвесок пришли Е. И. Крупнов и М. Б. Мужухоев [9; 10], при этом М. Б. Мужухоев отмечал, что ингушские образцы появляются в более позднее время (XIX в.), что «говорит о повторной (вторичной) волне влияния» [9. — С. 64]. Однако ни славянские, ни ингушские украшения не находят полных аналогов в арабском средневековье, по форме и декору они значительно ближе между собой. Очевидно, прав М. Б. Мужухоев, говоря о вторичной волне влияния, которая, скорее всего, шла через Русь. Р. А. Даутова, исследовавшая восьми-

лопастные подвески Джейраховского ущелья, пришла к выводу, что наиболее близки им по оформлению «киевские колты с грифонами» и «древом жизни» XII в., но здесь абсолютно разная техника изготовления и потому, «в джейраховских подвесках, скорее всего, «использованы местные традиции, испытавшие некоторое влияние русского декоративного искусства XI–XII вв.» [3. — С. 159].

Декоративно-прикладное искусство это только одно из направлений русско-северокавказских культурных взаимосвязей эпохи средневековья. В исторической литературе давно поставлен вопрос об общих чертах кавказской и древнерусской архитектуры, интересные параллели просматриваются в фольклоре. Все эти проблемы требуют дальнейшего изучения на качественно новом этапе развития отечественного кавказоведения.

ПРИМЕЧАНИЯ: 1. *Башкирцев А.С.* Искусство Дагестана. М., 1931. 2. *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М., 1930. 3. *Даутова Р.А.* О генезисе и этнокультурной интерпретации некоторых типов серег и височных подвесок XIII–XVIII вв. горной Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 156–163. 4. *Думанов Х.М. Ноёмов Ш.Б.* О происхождении балкарцев // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 92–96. 5. *Каргер М.К.* Древний Киев. В 2-х т. М.; Л., 1958. Т. 1. 6. *Кильчевская Э.В.* Некоторые детали возникновения искусства черни на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 246–254. 7. *Кузнецов В.А.* К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. 1959. №2. С. 97–119. 8. *Макарова Т.И.* Черное дело Древней Руси. М., 1986. 9. *Мужухоев М.Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977. 10. *Мужухоев М.Б.* Археологические источники о русско-чечено-ингушский связях в средние века // Толстовские чтения: тезисы докладов. Грозный, 1989. С. 133–135. 11. ОАК за 1897 г. СПб., 1900. 12. *Орлов Р.С.* Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 32–52. 13. *Рыбаков Б.А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // СА. 1940. №6. С. 239–245. 14. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. 15. *Савенко С.Н.* О возможной трактовке семантики «трезубцев» X–XII вв. Центрального Предкавказья // Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 год. Грозный, 1983. С. 60–61. 16. *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный, 1963. 17. *Сизов В.И.* О происхождении и характере курганных височных подвесок // Археологические известия и заметки. М., 1985. Вып. 6. С. 179–187.

С. Н. Малахов

Одно археологическое свидетельство в сочинении султана Казы-Гирея

В изучении средневековых каменных изваяний с христианскими символами существует значительное расхождение мнений по поводу происхождения статуй «христианских рыцарей», их этнической атрибуции, времени и географии бытования. Обзор различных точек зрения в последнее время был предпринят А.В. Пьянковым, который пришел к заключению, что окончательное разрешение вопроса этнической принадлежности верхнекубанских изваяний остается открытым и требует дальнейшего изучения [1].

Христианские символы на статуях (равноконечные кресты на головном уборе и предплечьях) отмечаются не только среди «верхнекубанской» группы изваяний, но, вероятно, аналогичные изображения присутствовали на каменных статуях в окрестностях Маджар в XIV в. [2].

Новые данные к топографии каменных изваяний с крестами содержатся в очерке Султана Казы-Гирея «Долина Ажитугай», опубликованном во втором номере «Современника» в 1836 году [3]. Долина Ажитугай располагалась в устье реки Большой Зеленчук при впадении ее в Кубань [4]. С. Казы-Гирей, проехав около 30 верст вдоль Б. Зеленчука («Нижига») остановился на ночлег в крепости Ярсуканской. На второй день пути автор очерка ехал на юг к верховьям Б. Зеленчука: «...с правой стороны виднелись вдаль леса в верховьях рек Урупа, Гегела (Тегеня. — С.М.) и Лабы; слева тянулся хребет небольших гор, возвышаясь уступами к югу к снеговым горам выше и выше» [5]. Именно здесь автор описывает «гранитный столб вышиною две с половиной сажени», он находился на «холмике» лицом к западу: «Его мрачное чело было осенено грубо иссеченным крестом, этою хоругвию Европы и просвещения, что прежде казалось лишь гербом какой-нибудь древней фамилии Кавказа, скрытой на холме под этим гранитом» [6]. Далее автор называет монумент *кишик-сил* (букв. «кривая статуя») и отмечает, что «рука человека не вырезала на нем никакой надписи» [7]. Вероятно, Султан Казы-Гирей не совсем точен в передаче «татарского названия»; скорее оно имело форму *киши сын* — карач. «одинокий (вар. «чужой»), надгробный [памятник]» [8].

Последние данные свидетельствуют, что Султан Казы-Гирей был ногойцем по происхождению [9], а не адыгом; тем более важно, что он не связывает надгробный монумент

ни с одним из народов, обитавших по Зеленчукам, хотя его родовые владения находились именно в этих местах. Верховья Уруша, Большого и Малого Тегеней, Лабы Султан Казы-Гирей мог видеть с гребня междуречья Большого Зеленчука и Уруша, который именовался в XIX в. Тархан Стачак. Упомянутый памятник, скорее всего, находился в 15–25 км к югу от крепости Ярусуканской. О статуях, типологически близких, упомянутой С. Казы-Гиреем, сообщает спустя почти четверть века Ф. Жиль, описывая достопримечательности Пятигорска и его окрестностей: «...Это статуя, которую черкесы называют Дука-Бек... [подробнее о ней см.: 10]. Говорят, что в Кенхарском ущелье (на р. Кяфар. — С.М.) в шести верстах от бывшего аула Сидова, есть до 300 подобных каменных фигур...» [11]. Вероятно, группа памятников антропоморфного типа, а также отдельно стоящие, отмеченные на «Археологической карте Кубанской области» изданной Е.Д. Фелицыным в 1882 г., в верховьях Б. Зеленчука, еще фиксируется на карте Кубанской области, составленной Н.С. Иваненковым в 1900–1902 гг. На этой карте ниже Ермоловки на левом берегу р. Кяфар обозначена высота 587.2 [группа] «Памятников»; на левом берегу Б. Зеленчука, ниже Ермоловки, имеются два указания на памятники и *одно* между высотой Карабижгон и р. Хусса Кардоник.

Таким образом, уникальное свидетельство о статуе с христианским крестом на «челе», вероятно, головном уборе, дает возможность выявить еще один ареал, где могли локализоваться памятники идентичные верхнекубанским «христианским рыцарям», и статуям с крестами в районе «маджарских» степей. Вероятное расположение статуи, упомянутой Султаном Казы-Гиреем, следует связывать со средним течением Большого Зеленчука.

ПРИМЕЧАНИЯ: 1. Пьянков А. В. Загадки средневековой скульптуры Северо-Западного Кавказа // Кубанский сборник: Сборник научных статей по истории края / под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 283–301. 2. Малахов С. Н. Северокавказские каменные изваяния с христианскими символами: итоги и перспективы изучения // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов конференции). Кисловодск, 2000. С. 94–96. 3. Султан Казы-Гирей. Долина Ажигугай // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века. Избранные произведения. Краснодар, 1986. 4. Там же. С. 203; Кумыков Т. Х. Казы-Гирей. Нальчик, 1978. С. 20. 5. Султан Казы-Гирей. Указ. соч. С. 207. 6. Там же. С. 208. 7. Там же. 8. См.: Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989. С. 351, 584. 9. Керейтов Р. Х. Новое о Казы-Гирее // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987. С. 76–83. 10. Кузнецов В. А. Изваяние «Дука-Бек»: историко-археологические проблемы // Историко-археологический альманах. Армавир М., 1999. Вып. 5. 11. [Жиль Ф.] Бештау, Пятигорск и его окрестности // С.-Петербургские ведомости. 1859. 5 августа. № 168. С. 731–732.

Д. А. Волошин, С. Л. Дударев

Новое исследование по истории Боспора

(по поводу автореферата кандидатской диссертации М. Л. Рябцевой «Боспор и германцы в конце IV — середине VI в.». Ставрополь: СГУ, 2009, 28 с.)

Диссертация М. Л. Рябцевой «Боспор и германцы в конце IV — середине VI в.» представляет несомненный научный интерес. Он определяется хотя бы уже тем фактом, что всего 20 лет назад в обобщающих академических трудах по истории Северного Кавказа указывалось, что в результате нашествия гуннов «было уничтожено Боспорское царство» [1]. Эта точка зрения долгое время присутствовала в отечественной исторической науке [2]. Естественно, что появление новой работы, которая характеризует взаимодействие Боспорского царства с варварским миром с конца IV в., обращает на себя пристальное внимание научной общественности.

Время великого переселения народов традиционно относится к большим драматическим событиям европейской истории, когда большое географическое пространство между Балтийским и Черным морями стало отправной точкой беспримерного перераспределения народов по этим территориям. При этом современные специалисты рассматривают эту эпоху не только как героическую «борьбу за Рим», но и как многослойный процесс этнической, культурной, политической и экономической трансформации, распространившейся на гораздо более обширные территории.

Чтобы проиллюстрировать, насколько сегодня велик интерес к изучению варварского мира в контексте его взаимоотношений с цивилизацией, достаточно упомянуть о проведенных недавно (в 2008 г.) выставках — «Лангобарды» (выставка Рейнского муниципального музея) и «Рим и варвары» (в Palazzo Grassi г. Венеция и в выставочном зале искусств ФРГ г. Бонн), подготовленной боннским Kunst und Ausstellungshalle и римским Ecole francaise. Последняя выставка проходила под покровительством президента Италии Дж. Наполетано, президента Франции Н. Саркози и федерального президента Германии Х. Келера. Цель подобных мероприятий — демонстрация богатейшего культурного наследия того неповторимого синтеза, который возникает в результате взаимодействия варварской среды и цивили-

лизации, оказывая решительное влияние на культуру Европы в эпоху раннего средневековья.

В данном контексте особую важность приобретает подход, предпринятый автором данного диссертационного исследования, в котором к Боспору применена общая схема развития классической античной цивилизации, основанная на комплексном изучении письменных, археологических источников, данных эпиграфики и нумизматики.

Как следует из автореферата, представленная к защите диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. В вводной части охарактеризованы такие параметры работы, как актуальность темы исследования, его объект и предмет, научная новизна, историографическая и источниковая базы, цель и задачи, методологическая основа, хронологические рамки и территориальные границы, практическая значимость и апробация.

Необходимо подчеркнуть, что М. Л. Рябцева достаточно подробно проанализировала отечественную и зарубежную историографию по исследуемой проблеме, оригинально ее представив в пяти частях. Выводы автора о состоянии научной разработанности проблемы в отечественной и зарубежной историографии, представляются нам вполне обоснованными и самостоятельными. К несомненным достоинствам работы можно отнести использование в ней новейших зарубежных исследований (с.6), что имеет первостепенное значение в современных условиях, когда все больше говорят о провинциальности российского антиковедения в сравнении с международной практикой и его отставании от мировых стандартов.

В работе автором была соблюдена логическая преемственность глав и параграфов диссертации, последовательно раскрывающая задачи изучения социально-политического, экономического и культурного развития Боспора в конце IV — середине VI в. Заслуживает внимания первый параграф первой главы диссертации, в котором подробно рассмотрено социально-экономическое состояние городов и сельских поселений Боспора. Автор показывает, что в изучаемый период жизнь активно протекала в городах, не затронутых передвижениями варваров — и, наоборот, — фактически прекращается в местах локализации т.наз. «готских походов».

Вторая глава содержит интересный материал, касающийся изучения германских волн влияния на Боспор на основе археологических находок — украшений, элементов

одежды, предметов вооружения и т.д. Отдельное рассмотрение при этом отведено проблеме возникновения полихромного стиля — и возможности германского влияния на него.

В третьей главе вскрыты механизмы политического влияния германцев на позднеантичный Боспор; в целях изучения степени его варваризации было проведено сравнительно-историческое изучение Боспора с варварскими государствами Западной Европы. В результате автор приходит к обоснованному выводу о том, что Боспор в изучаемый период по-прежнему базируется на античной традиции, а его варваризация не перешла «критической черты» (с. 21).

Выводы, содержащиеся в заключении, логичны и обоснованы и центрируются вокруг положения о том, что государство в позднеантичном Боспоре продолжало существовать, несмотря на ослабление центральной власти и волны варварских влияний. Особо хотелось бы выделить итоговый вывод автора о том, что германский этнический компонент оказал значительное влияние на Боспор — что сказалось на его материальной культуре, развитии института федератов и вхождении готов в состав его правящих кругов.

Рассматривая выводы, к которым пришел диссертант, нужно отметить, что мы согласны со следующим его заключением — «в основе функционирования Боспора лежат традиционные античные начала» (с. 23). В самом деле, «государством правит прежняя династия Тибериев-Юлиев» (там же). Фактор характера политической элиты при переходе от древности к средневековью — очень важный критерий для определения сути происходивших тогда процессов. Смена элит весьма характерна для ряда территорий Евразии первой половины I тыс. н. э. — например, Западной Римской империи, или, скажем, противоположного края материка — Китая периода Нань бэй чао (Северных и южных династий). Она сопровождала знаковые процессы разрушения прежнего уклада и являлась их важным маркером. Стабильность же политической элиты Боспора, несомненно, указывает на античный континуитет. В самом деле, в работе Боспор представлен как «периферийный вариант континуитета» (с. 11). Однако не следует забывать о заявленных широких возможностях сравнительно-исторического изучения, подкрепляющих идею применения схемы развития классической античной цивилизации к истории Боспора. Судя по тексту автореферата, подоб-

ный прием был успешно использован в первом параграфе третьей главы. Одновременно он представляется весьма перспективным и при характеристике экономики Боспора, состояния населенных пунктов, затронутых (незатронутых) вторжениями германцев. Не в меньшей степени это касается авторской характеристики влияния института федератов на политическое развитие позднеантичного Боспора. Кроме того, при определении специфики континуумности местной материальной и духовной культуры, социально-политических порядков и т. п. необходимо еще внимательнее присмотреться к характеру взаимодействия местных и германских элементов.

М. Л. Рябцева делает верное замечание по поводу необходимости учета «фактора германского присутствия на позднем Боспоре» (с. 21). Он может быть востребован в плане исследования процесса христианизации Боспора. Автор диссертации делает вывод о слабости христианизации Боспора конца IV — начала V в. до н.э. (с. 17). Но примечательно то, что германцы пятой волны 20–30-х гг. VI в., как указывает автор, были уже христианами (с. 19). В связи с этим следует порекомендовать автору в его будущих исследованиях продолжать разработку темы кульгово-ритуальных практик местного населения и германцев, последствий их взаимодействия и взаимовоздействия друг на друга. Думаем, что М. Л. Рябцева находится на верном пути. Она указывает, что одним из наиболее любимых изображений, которые часто встречаются на деталях одежды, украшениях, отделке оружия варваров-германцев является птичья тематика (об этом говорят украшения, экспонировавшиеся на выставке «Меровинги: Европа без границ» в Аванзале и Николаевском зале Зимнего дворца). «Не исключено, что изображение орла идет из германской мифологии или же его заимствовали у римлян варвары федераты» (с. 20). С одной стороны, орел, согласно древнегерманской мифологии, сидел на вершине мирового древа Игдрасиль. С другой стороны, орел встречается и в раннехристианской символике. Он, например, является символом Иоанна Златоуста. Поэтому функционирование птичьей тематики у германцев могло подпитываться контактами с христианами и постепенно приобретало христианское осмысление. Полагаем, что тема взаимовлияний германцев и боспорян в плане выяснения характера социального и культурного развития Боспора требует дальнейшей разработки и может получить продолжение в работах соискателя.

Таким образом, представленная работа актуальна, информационно-аналитически интересна, познавательна, выявляет «белые пятна» в изучении проблемы и дает своеобразное задание в исследовании актуальных проблем истории позднеантичного Боспора в неизбежной для нас смене методов изучения и направлений. В целом работа М. Л. Рябцевой может служить хорошим подспорьем как в дальнейших научных изысканиях, так и в учебном процессе в высшей школе.

ПРИМЕЧАНИЯ: 1. История народов Северного Кавказа». Т. 1. М.: Наука, 1988. С. 95. 2. См.: *Болгов Н. Н.* Между империей и варварами: финал античности на Боспоре Киммерийском // *Україна в Центральній Східній Європі.* 2004. №4. С. 39–76.

С. Л. Дударев

Реферат книги

А. М. Лесков, Е. А. Белова, И. В. Ксенофонтowa и В. Р. Эрлих. Меоты Закубанья в середине VI — начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. Институт археологии РАН. ГМИНВ (Государственный музей искусства народов Востока). Наука, Москва, 2005; 192 с., ил. ISBN 5-02-010304-7.

Данная книга посвящена публикации материалов Уляпской курганной группы, исследованной в 1982–1983 годах археологической экспедицией Государственного музея искусства народов Востока (г. Москва). Во «Введении» авторы дают краткий очерк археологического изучения древностей раннего железного века Северо-Западного Предкавказья. В результате учеными была выделена меотская культура, в интерпретации которой сейчас существуют две точки зрения. Первая заключается в понимании меотов, как единого этноса (Н. В. Анфимов, В. П. Шилов, И. С. Каменецкий и др.). Другая точка зрения (Л. А. Ельницкий, D. Gardiner-Garden, Л. К. Галанина, А. Ю. Алексеев), которую разделяют авторы книги, подразумевает то, что понятие «меоты» не несет специфического этнического содержания и не является этником. К меотам, как справедливо отмечается в вводной части, относились племена и народы как кавказского, так и иранского происхо-

Историческому факультету АГПА — 20 лет!

В 2011 г. исполнилось 20 лет с момента создания в Армавирском государственном педагогическом институте исторического факультета. У прибывших в Армавир в 1992–1993 гг. членов Кавказоведческой Школы проф. В. Б. Виноградова к этому факту свое особое отношение. Открытие истфака в Армавире, о котором В. Б. Виноградов и Е. И. Нарожный узнали от А. М. Ждановского, давнего коллеги и друга «виноградовцев», являвшегося в начале 1990-х гг. одним из руководителей Краснодарского края, было шансом на продолжение творческой биографии коллектива, созданного нашим Учителем. Возникновение исторического факультета в АГПИ было знаком судьбы. В эту эпоху, на переломе времен, многие представители общественных наук, в связи со сменой, более того, резким сломом, парадигм социального и научного развития, крушения прежних ценностей и самой страны, нашей великой Родины — Советского Союза — теряли свое место в преподавании и жизни вообще. Однако учебно-научная структура, которая должна была передавать лучшие патристические традиции нашего Отечества, была необходима в Армавире, многонациональном городе на Кубани. Поэтому, когда А. И. Шаповалов и С. С. Лукьяненко выступили с инициативой создания нового факультета в педагогическом институте Армавира, который уже зарекомендовал себя как серьезный региональный учебно-педагогический центр Краснодарского края, это не могло не найти поддержки у городских властных структур и руководства АГПИ, прежде всего, ректора В. Т. Сосновского.

Создание факультета и его дальнейшее развитие было делом нелегким. В основании истфака лежали различные традиции, олицетворявшиеся преподавателями, начинавшими работу на новом для себя поприще, или на новом месте. Им нелегко было, порой, найти между собой общий язык, достигнуть компромисса в том или ином вопросе. Нельзя с благодарностью не вспомнить сейчас людей, мудрость и терпимость которых помогли строительству общего здания факультета: В. Т. Сосновского, Н. И. Лебедика, А. А. Панарина, Г. А. Богданова, В. Г. Шнайдера и др. Особая роль принадлежит опытному вузовцу и большому ученому В. Б. Виноградову, который все эти годы работал на результат, на будущее, помышляя прежде всего о деле и не разме-

ниваясь на соревнование в мелочном честолюбии. Тот же самый вектор был присущ и созданным им при поддержке ректората двум кафедрам — всеобщей истории, а затем кафедре регионоведения и специальных исторических дисциплин. И это дало весомый результат. За 19 лет работы в Армавире В. Б. Виноградов, его ученики и сподвижники, ведомые ими студенты опубликовали многие сотни научных и методических работ, в том числе книг, монографий, брошюр, пособий и т. п., провели десятки научных и практических конференций и семинаров, защитили сотни дипломных работ, более 30 кандидатских и докторских диссертаций, вели археологические раскопки, освоивая миллионы рублей. Они внесли значительный вклад в разработку не только традиционной для себя Кавказоведческой проблематики (археология и регионоведение), но и смогли сформировать научные кадры по всемирной истории. Ученые кафедры участвовали в открытии «окна» в большой мир зарубежной науки (конференции, публикации и т. п. в Германии, США, Нидерландах, Франции, Турции, Греции, Польше, Чехии и др.). И этот фактор сыграл на истфаке АГПИ-АГПУ роль «большого толчка». В самом деле, ведь в начале «смутных» 1990-х гг. основатели факультета всерьез говорили о том, что не будут защищать докторские диссертации. А сегодня путь параллельной кафедры истории России, отмечен серьезными свершениями, и в ее составе сегодня трудятся 8 докторов наук — больше, чем где бы то ни было в АГПА. За прошедшие годы на этой кафедре сформировался дееспособный коллектив со своими позициями в науке и преподавании. Именно такое бурное развитие на параллельных курсах с прямым или косвенным взаимовлиянием привело к тому, что истфак АГПА сегодня — это авторитетный научно-педагогический коллектив, занимающий не только заметное место в Краснодарском крае и на Северном Кавказе, но и обращающий на себя внимание своими результатами коллег в России и за рубежом. Потенциал факультета и кафедры ВиРИ служит новым общественным задачам вуза, которые хорошо понимает его новое руководство в лице ректора А. Р. Галустова, по инициативе которого началась разработка важной темы «Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани».

Но исторический факультет — это, разумеется, не только преподаватели, но и прежде всего студенты. Они — наша главная забота. Это и наша гордость, и радость, и неудачи. Им сегодня учиться и легко и трудно. Легко — потому, что как никогда ранее в их распоряжении книги, которые не

могли публиковаться раньше, Интернет и весь мир, открытый для каждого. Трудно же потому, что этот же «широкий мир» повернут к ним и своими соблазнами, пороками, искушениями, которые часто сильнее тяги к знаниям. Между тем, Россия ждет знающих специалистов, которые помогут ей занять одно из ведущих мест в мировом образовательном процессе. Впрочем, дело не только в «мировых» проблемах. Главное для каждого выпускника нашего факультета — это быть, прежде всего, гражданином своей Родины, патриотом Кубани и Армавира, хранителем их лучших традиций, неравнодушным к прошлому, и особенно к настоящему, отстаивающим дружбу между народами России, принципиальным противником неуважительного отношения к человеческому достоинству. Исторический факультет, как и вся академия, — это общий для нас дом, и мы желаем, чтобы его свет озарял нашу жизнь еще много десятилетий.

Кафедра всеобщей и региональной истории АГПА

К 90-летию Б. А. Шрамко

17 января 2011 года исполнилось 90 лет известному ученому, археологу, доктору исторических наук Б. А. Шрамко.

Борис Андреевич родился в 1921 году в г. Гомель (республика Беларусь). В 1939 году поступил на исторический факультет Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. После второго курса двадцатилетним юношей ушел добровольцем на фронт. После окончания Смоленского артиллерийского училища командовал гаубичной батареей, был тяжело ранен при освобождении Харькова. Ветеран Великой Отечественной войны, награжден двумя орденами «Красной звезды», медалями «За боевые заслуги» и «За взятие Вены».

После окончания учебы на историческом факультете в 1949 году навсегда связал свою жизнь с археологией и Харьковским университетом. Научными руководителями молодого ученого были С. А. Семенов-Зусер (Харьков) и Б. Н. Граков (Москва), с которым Бориса Андреевича связывали в дальнейшем долгие годы совместной работы и дружбы. По материалам послевоенных разведок и раскопок в 1953 году Б. А. Шрамко была подготовлена и успешно защищена в Москве кандидатская диссертация «Памятники скифского времени в бассейне Северского Донца», а в 1966 году — докторская диссертация «Хозяйство лесостепных племен скифского времени».

С конца 40-х годов XX в. Борис Андреевич проводил археологические разведки. С 1951 по 1958 г. руководил Северско-Донецкой археологической экспедицией, а с 1959 по 1995 — Скифо-Славянской археологической экспедицией ХГУ, полевыми работами которых были охвачены территории Винницкой, Донецкой, Киевской, Полтавской, Сумской, Черкасской и Черниговской областей Украины, Белгородской и Курской — России. Охранные и научные исследования Б. А. Шрамко проводились на памятниках широкого временного диапазона — от бронзового века до эпохи средневековья. Наиболее известны раскопки Донецкого (летописный город Донец) и Люботинского городищ в бассейне Северского Донца.

В 1958–1960 годах совместной экспедицией Харьковского (Б. А. Шрамко) и Московского (Б. Н. Граков., Н. Г. Елагина) университетов были проведены раскопки на Бельском городище, масштабные работы на котором Б. А. Шрамко не прекращал до 1995 года. Ученый не только провел раскопки на его укреплениях и могильниках, исследовал оборонительную систему, но и убедительно показал, что городище было крупнейшим экономическим и политическим центром лесостепной Скифии, его вполне можно идентифицировать с древним городом Гелоном Геродота. В 1987 году по материалам раскопок вышла монография «Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)». В настоящее время Харьковский университет остается основной научной организацией, исследующей этот известный памятник, а самая крупная коллекция материалов раскопок хранится в его Музее археологии и этнографии Слободской Украины.

Борис Андреевич является крупнейшим специалистом в области первобытной истории Европы. Его имя хорошо известно ученым не только Украины, но и далеко за ее пределами. Б. А. Шрамко известен как ведущий специалист в области археологии железного века, внесший существенный вклад в разработку многих проблем скифоведения, особенно известны его труды в области древней металлургии, металлообработки железа и бронзы, истории земледелия, изучения пахотных орудий, различных аспектов хозяйственного развития лесостепных племен Европы в раннем железном веке. Б. А. Шрамко — член международного комитета по изучению древней металлургии железа (Чехия), много лет активно сотрудничал с Международным комитетом по истории земледелия и сельскохозяйственных орудий (Дания). Благодаря своим многолетним исследованиям, опираясь на материалы, полученные во вре-

мя многочисленных разведок и раскопок, Борис Андреевич Шрамко издал около 300 научных работ разного уровня, начиная от небольших газетных заметок, тезисов, различных статей и заканчивая монографиями.

Педагогическая деятельность Б.А. Шрамко связана с историческим факультетом ХНУ, в котором он более полувек читал лекции, спецкурсы, вел семинарские занятия по археологии, руководил археологической практикой студентов, является автором нескольких учебников и учебных методических пособий. Пройдя путь от преподавателя до профессора сегодня Борис Андреевич является Почетным профессором Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, Почетным деятелем науки и техники.

В 2005 году за выдающийся вклад в изучение древней истории Харьковщины ему присвоено звание Почетного гражданина г. Харькова.

С.А. Задников, И.Б. Шрамко

А. А. Кудрявцеву — 70 лет¹

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Абакарович!

Мы сердечно приветствуем Вас в день Вашего замечательного юбилея — 70-летия со дня рождения! В Вашем лице мы приветствуем одного из наиболее видных, маститых отечественных кавказоведов конца XX — начала XXI столетия. Вы являетесь выдающимся специалистом по средневековой истории и археологии Кавказа, чьи работы стали настольными для нескольких поколений специалистов. Наибольшую известность Вы snискали благодаря блестящим исследованиям древнего и средневекового Дербента — жемчужины мировой цивилизации — чья многовековая история открылась нашим соотечественникам и представителям зарубежной общности через Ваши многолетние и неутомимые труды. Упорная, кропотливая, повседневная черновая работа в течение целого ряда археологических сезонов дала феноменальный результат, который является гордостью республики Дагестан, Северного Кавказа и всей России — установление факта обживания территории будущего Дербента древним населением целых 5000 лет назад! Многие годы на конферен-

ции, ставшей авторитетным научным форумом археологов и историков нашей страны — «Крупновских чтениях», и целом ряде других конференций в СССР, России, ближнем и дальнем зарубежье Вы выступали с интереснейшими докладами о своих изысканиях в Дербенте, неизменно привлекая пристальное внимание многих коллег.

Однако эта тематика, snискавшая Вам широкую известность, не является единственной в Вашей творческой биографии. Особенно это видно в Вашей многогранной научно-педагогической деятельности. Вот уже много лет Вы выступаете наставником многих аспирантов, которые под Вашим чутким руководством превращаются в квалифицированных молодых специалистов. Тематика их исследований поистине уникальна, отражая широкий спектр Ваших собственных научных интересов. И это не случайно. Ваша изначальная научная специальность — археология — дала Вам кругозор, способный воспринимать новые темы, проблемы, ставить большие и сложные задачи в различных областях кавказоведческой исторической науки.

Вы — известный организатор и координатор науки и производственно-преподавательской деятельности в северокавказском регионе, много лет возглавляете один из наиболее квалифицированных коллективов вузовских историков на Юге России. По Вашей инициативе постоянно проводятся разнообразные научные конференции, такие, как «Минаевские чтения», которые, благодаря умело создаваемому климату, стали хорошей школой подготовки и результативного общения специалистов в области истории, археологии, этнографии. Нельзя не отметить и Ваш вклад как зам. Председателя Диссертационного совета по истории при СГУ, где Вы участвуете в многогранной и сложной работе по подготовке кадров высшей квалификации, где, как и на факультете, мудро руководите сложными процессами в научно-педагогической среде, даете точные и глубокие оценки исследованиям, которые адресованы широкому спектру отечественной и мировой истории.

Мы желаем Вам, дорогой Александр Абакарович, нашему многолетнему другу, коллеге и соратнику, еще многих лет жизни и плодотворной деятельности на благо российской науки и отечественного просвещения, счастья и благополучия в личной жизни. Пусть удача и здоровье да прибудут с Вами!

*Коллектив
исторического факультета Армавирской
государственной педагогической академии*

¹ Подробнее на тему юбилея А. А. Кудрявцева см.: *Материалы и исследования по отечественной и зарубежной истории. К 70-летию доктора исторических наук, профессора А. А. Кудрявцева.* — Ставрополь, 2011. — 560 с.

К 60-летию Сергея Леонидовича Дударева

5 сентября 2011 года исполнилось 60 лет Сергею Леонидовичу Дудареву — доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой всеобщей и региональной истории Армавирского государственного педагогического университета.

С.Л. Дударев родился в 1951 году в городе Грозном. В 1958–1968 гг. обучался в СШ №1 и 2 г. Грозного. В 1968–1972 гг. учился на историческом факультете Чечено-Ингушского государственного пединститута (с 1972 г. — университета). В 1977–1981 гг. С.Л. Дударев обучался в аспирантуре по археологии при Северо-Осетинском государственном университете им. К.Л. Хетагурова (научный руководитель — доктор исторических наук, проф. В.Б. Виноградов).

В 1983–1992 гг. С.Л. Дударев — преподаватель кафедры всеобщей истории, доцент кафедры истории народов Северного Кавказа Чечено-Ингушского государственного университета (г. Грозный). С 1992 года он работает в Армавирском государственном институте (с 2003 года — АГПУ, с 2010 года — АГПА) сначала доцентом, затем профессором (1999) кафедр культурологии (1992–1993) и всеобщей истории (с 1993 г.). С 1998 года заведующий кафедрой всеобщей (с 2008 г. — всеобщей и региональной) истории АГПА.

С.Л. Дударев женат. Жена — И. В. Дударева (1958 г. р.), врач-эндокринолог высшей категории. Дети — Елена (1986 г. р.), окончила Ставропольский государственный университет, по специальности — переводчик (английский и немецкий языки), работает в частной лингвистической школе «English first» (г. Ставрополь), замужем, растит дочь Лизу; сын — Дмитрий (1991 г. р.) — студент IV курса исторического факультета АГПА. Родители С.Л. Дударева — известные в свое время в г. Грозном учителя Л.И. Дударев (физик) и З.С. Федорова (биолог). Похоронены в г. Грозном.

Кандидатскую диссертацию «Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терек (IX–VII вв. до н.э.)» С.Л. Дударев защитил в 1983 г. в Институте археологии Академии наук Украины (г. Киев). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук — «Северный Кавказ и ранние кочевники в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII в. до н.э.) — была защищена им в 1999 г. по двум специальностям «Всеобщая история» (древний мир) и «Археология» в Институте востоковедения Российской Академии наук в г. Москве.

Научные интересы С.Л. Дударева связаны с археологией Юга России, историей народов Кавказа, проблемами всеобщей истории, особенно, периодом средневековья и раннего нового времени. Ссылки на работы С.Л. Дударева можно встретить в ряде зарубежных изданий (Польша, Германия, Италия, Франция, Венгрия, США и др.). Академический журнал «Ancient West&East», выходящий в Париже-Левене-Дадли, в 2002 г. назвал его известным специалистом по археологии Северного Кавказа. В апреле 2001 г. С.Л. Дударев являлся стипендиатом Германского археологического института в Берлине. Проф. С.Л. Дударев — академик Международной Академии информатизации (при ООН) и Общественной академии наук, культуры, образования и бизнеса Кавказа (при МГИМО (У) МИД России), член-корреспондент Центра археологии и культурной истории Причерноморья при Институте доисторической археологии университета Мартина Лютера в Халле-Виттенберге (Германия), член Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. С результатами своих исследований он выступил на более чем 70 научных и научно-практических конференциях в стране и за рубежом. С.Л. Дударев является редактором свыше 60 книг, брошюр и сборников научных и научно-методических трудов. С 2000 г. он руководит аспирантурой по всеобщей истории. Среди его защитившихся учеников есть историки-медиевисты и новисты, специалисты по истории Отечества и археологи.

С.Л. Дударев является автором свыше 600 опубликованных научных и научно-методических работ, среди которых 15 книг, в том числе, 4 монографии: «Из истории связей населения Северного Кавказа с киммерийско-скифским миром» (Грозный, 1991) (10 п.л.), «Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии» (Грозный, 1991) (9 п.л.) «Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII в. до н.э.)» (Армавир, 1999) (25 п.л.), «Белореченский 2-й могильник — памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных вод» (Армавир, 2004) (10 п.л.). К 60-летию С.Л. Дударева в 2011 г. в г. Москве, издательстве «Илекса», был выпущен монографический сборник его научных работ, включающий статьи и книги по археологии и древней истории, всеобщей истории, регионоведению, насчитывающий 64 п.л. Труды проф. С.Л. Дударева увидели свет в более чем 30 городах России и СНГ, а также в 11 зарубежных странах (Германия, Тур-

ция, Греция, Нидерланды, США, Франция, Чехия, Польша и др.).

С. Л. Дударев успешно осваивает и жанр мемуарно-автобиографической литературы, издав в 2008 г. книгу «Это было недавно. Это было давно» (17 п. л.).

С. Л. Дударев награжден администрацией Краснодарского края почетным званием «Заслуженный деятель науки Кубани» (1998). В 2003 г. Награжден Почетной Грамотой Министерства Образования РФ. В 2004 г. награжден Российским Лермонтовским комитетом медалью М. Ю. Лермонтова в связи с 190-летием великого поэта за личный вклад в отечественную многонациональную культуру и укрепление российской государственности. В 2007 г. награжден Всероссийским Союзом общественных объединений ветеранов десантных войск медалью «За службу на Северном Кавказе». Имеет грамоты и благодарности от Главы администрации Краснодарского края, Главы г. Армавира.

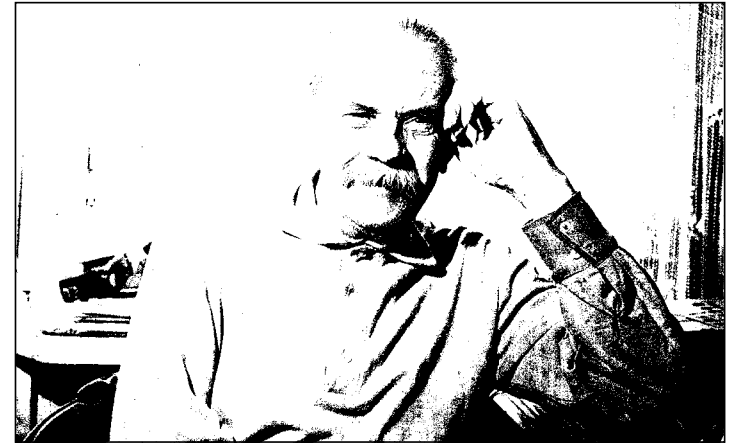
Любимое занятие — научная работа и публицистическая деятельность (С. Л. Дударев — автор нескольких сотен газетных статей).

Сведения о научно-творческой и преподавательской деятельности С. Л. Дударева можно найти в таких изданиях, как: Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Библиогр. словарь. Саратов, 1998. С. 110–111. Современное кавказоведение. Справочник персоналий. Ростов-н/Д, 1999. С. 63; К 50-летию Сергея Леонидовича Дударева // Донская археология. № 1–2 С. 116; Проблемы всеобщей истории. Вып. 7. Армавир, 2001. С. 126–129; Библиография научных, научно-методических и учебно-методических работ С. Л. Дударева. Армавир, 2001. 72 с.; Очерки истории Армавирского государственного педагогического института. Армавир, 2003. С. 217–219; Историки России. Кто есть кто в изучении зарубежной истории. 1-е изд. Ставрополь, 2004. С. 65–66; 2-е изд. М., 2009. С. 92–93. Большая Кубанская энциклопедия. Биографический энциклопедический словарь. Краснодар, 2005. С. 94–95; Историки Кубани и Адыгеи. Словарь-справочник. Краснодар, 2007. С. 89–91.

Контактный телефон проф. С. Л. Дударева — (86137) 3-00-26, E-mail: dudarev51@mail.ru

Желаем С. Л. Дудареву счастья в семейной жизни и новых научных достижений!

Друзья, коллеги, ученики.

А. П. Рунич в своем рабочем кабинете. Фото 1980-х гг.

Материалы к 100-летию со дня рождения А. П. Рунича

Андрей Петрович Рунич (1911–1986) — квалифицированный инженер-строитель по образованию, человек разносторонних широких интересов, способностей и увлечений, активный общественник в сфере сохранения историко-культурного наследия и музейного дела, краевед, известный и авторитетный археолог-любитель Кавминвод [1].

По словам самого краеведа, он являлся выходцем из семьи участника польского восстания 1863–1864 гг., сосланного на Кавказ. Фамилия Рунич, однако, не польская, а, скорее всего, сербская. Рунич венгерского происхождения находились в России и на Кавказе уже с середины XVIII — начала XIX века. Были среди них и высокопоставленные государственные и общественные деятели.

Родился 26 января 1911 г. (автобиография А. П. Рунича). Родился в г. Хасавюрте (Республика Дагестан), относившемся тогда к Терской области. Ранее указывалась дата рождения — 13 (26) декабря. Его отец — Петр Александрович Рунич, был врачом — хирургом, получившим образование в Санкт-Петербургской военно-медицинской академии. Когда он работал в Хасав-Юрте, ему приходилось

обслуживать не только этот населенный пункт, но и выезжать в соседние районы. Еще в детстве Андрей приобрел к путешествиям. Не раз посещал с отцом Дагестан и горные чеченские селения Ведено, Итум-Кале и другие. Торжественный и таинственный вид горных башенных аулов врезался ему в память. О них Андрей Петрович нередко вспоминал, уже перешагнув семидесятилетний рубеж жизни.

Накануне революции доктор Рунич уже практиковал и был известен в Пятигорске. В 1917 г. он был врачом — ординатором во Владикавказском военном госпитале [2]. Мать Андрея Петровича — Зинаида Петровна, происходила из дворянской семьи, владевшей имением на территории Кабарды.

В 1918 г. семья обосновалась в курортном городе и административном центре — Пятигорске. А. Рунич закончил бывшую Пятигорскую мужскую гимназию (сейчас — Пятигорская СОШ № 1 им. М. Ю. Лермонтова), Обучался в одно время с С. В. Михалковым и знал его. Затем учился в строительном техникуме, затем служил в Красной Армии, в одной из первых моторизованных дивизий. Был досрочно демобилизован в связи с травмой и болезнью (астма). По этой же причине не призвался и в годы Великой Отечественной войны.

В предвоенные годы работал землемером и землеустроителем, обучался заочно и окончил строительный институт. К 1928 году относится его знакомство с, тогда директором Пятигорского краеведческого музея Николаем Михайловичем Егоровым, которое определило постоянный и неослабевающий до конца жизни А. П. Рунича интерес к археологии. Об их совместной деятельности на этом поприще сообщали газеты уже в предвоенные и первые послевоенные годы [3]. Глубокое позитивное научно-познавательное пристрастие он продолжал сочетать с основной работой по специальности в различных организациях Пятигорска и Кавминвод, в том числе в течение более 20-ти лет, до выхода на пенсию в 1973 г., в Пятигорской санэпидстанции.

Кроме археологии, увлеченно занимался энтомологией и собрал, начитывающую несколько тысяч экземпляров, коллекцию жуков, вел многолетние метеорологические и фенологические наблюдения, собирал коллекцию яиц птиц [4], увлекался геологией, неплохо рисовал, резал по дереву. Как активный общественник состоял в Пятигорском краеведческом обществе, местных отделени-

ях ВООПИК, в музейных советах городов Кавминвод, других подобных объединениях. Отдал определенную дань и лермонтоведению. А. П. Рунич был одним из кропотливо работавших участников установления точного места дуэли М. Ю. Лермонтова. Причастен к делу сохранения дома Рошке в г. Железноводске, откуда поэт отправился в свою последнюю поездку. Выступал с другими проблемными социальными публикациями в СМИ, популярными лекциями и беседами в городах региона.

Крупной фигурой археологического краеведения Кавминвод стал в середине — конце 1950-х годов. В 1957 г. А. П. Рунич впервые получил законное право на самостоятельные раскопки — Открытый лист. С этого момента и до 1975 г., почти каждый год, в архив Института археологии АН СССР направлялись объемные отчеты о полевых изысканиях. В это время он продолжал сотрудничать с Н. М. Егоровым, познакомился и установил длительные товарищеские отношения с Н. Н. Михайловым, поддерживал контакты с другими любителями древностей. Со второй половины 50-х годов XX в. активно публиковался в местных газетах по археологической и иной краеведческой проблематике [5]. Вскоре вышла в свет и его первая научная работа в центральном археологическом журнале страны [6].

Сам и с помощью единомышленников и сторонников он методично обследовал окрестности городов-курортов, открывал, изучал десятки памятников, сотни древний захоронений. На составленных А. П. Руничем в середине 1970-х годов археологических картах Кавминвод и окрестностей помечено около 300 памятников археологии, из них свыше 80% обнаружено им, его единомышленниками — друзьями и учениками. Спас для науки и общества несколько сот погребений, бытовых и культовых объектов, датируемых, начиная с эпохи энеолита (V–IV тысячелетие до н. э.) и вплоть до позднего средневековья (XIV–XVIII вв. н. э.). Коллекции из его раскопок существенно обогатили фонды музеев Пятигорска, Кисловодска, Ставрополя и других городов региона.

Научная квалификация и методический уровень исследований Андрея Петровича формировались и совершенствовались под влиянием таких маститых представителей советского кавказоведения, как Б. Б. Пиотровский, А. А. Ессен, Е. И. Крупнов, К. Ф. Смирнов и другие. Многолетнее сотрудничество связывало Андрея Петровича с В. Б. Виноградовым, В. А. Кузнецовым, А. А. Формозо-

вым и другими кавказоведами. Со многими специалистами он вел деловую переписку, встречался в Пятигорске и на научных конференциях, выходил на памятники региона. Среди них были, в частности: Е. П. Алексева, Т. М. Минаева, А. П. Абрамова, В. Г. Петренко, С. Л. Дударев и другие. Некоторые методические недостатки и недоработки, выявляемые требовательными рецензентами, и присущие далеко не только одному А. П. Руничу, во многом объяснялись тем, что долголетние полевые работы выполнялись им на общественных началах при полном отсутствии материальных средств.

С 1961 года публикуется в центральных и местных научных изданиях России и Украины. При жизни из печати вышли около 45 научных статей [7], без ссылок на которые не обходятся обобщающие исследования по северокавказской археологии, как отечественные, так и зарубежные. Имя Андрея Петровича и в последнее время появляется в заголовках книг и статей, публикуемых людьми, благодарными за его участие и материалы (8–11 и др.). Переиздаются вновь и его уже опубликованные работы, в частности, тезисы докладов на авторитетной северокавказской археологической конференции «Крупновские чтения» (КЧ). Это материалы его собственных выступлений на 3–5, 7–8-х «Чтениях» в Грозном, Моздоке, Махачкале, Черкесске и Нальчике [12], и краткое содержание совместного доклада с археологом из Украины А. Л. Нечитайло на 13-х КЧ в Майкопе [13].

Исследователь смог подготовить к публикации еще более двух десятков научных статей и обобщающий очерк о памятниках археологии региона. Они остаются пока не изданными. Но важно, что А. П. Рунич преобразовал в научно-публикационную форму почти все материалы, выявленные им в процессе полевой археологической деятельности. Такое бывает редко и поэтому особенно ценно.

Статьи и заметки краеведа регулярно появлялись до середины 1980-х гг. в местной прессе. В них освещались различные вопросы и проблемы археологии, краеведения, общественной и культурной жизни региона.

А. П. Рунич оказал существенное воздействие на многих начинающих ученых, особенно выходцев из Кавминвод, выросших в дальнейшем в авторитетных специалистов. К числу учеников и подопечных археолога — краеведа в начале их творческого пути относятся теперь доктора исторических наук Г. Е. Афанасьев, Э. В. Ртвеладзе, кандидаты исторических наук С. Н. Савенко, В. А. Фоменко, кан-

дидат биологических наук В. И. Ланцов, главный специалист ГУП «Наследие» министерства культуры Ставропольского края Я. Б. Березин, другие профессиональные ученые и любители-краеведы.

О своем семейном положении А. П. Рунич очень редко говорил со своими учениками. Жена его — медицинский работник, сотрудник Пятигорской санэпидстанции Шапоренко Ольга Васильевна, ушла из жизни в конце 1970-х годов. О детях нам ничего не известно. В 1970-е годы на Кавминводах и в Северном Приэльбрусье работал относительно молодой горный турист и альпинист А. В. Рунич. Он, в частности, обнаружил интересный раннесредневековый «жреческий» набор в скальном могильнике у с. Хасаут [14]. Он был племянником Андрея Петровича, но сам краевед это отрицал, отмечая, что А. В. Рунич только его однофамилец. На этом сказывались непростые напряженные отношения с братом Вадимом — ученым геотермологом.

Умер Андрей Петрович 8 июня 1986 г. на 75-м году жизни почти в полном одиночестве, буквально до самых последних дней работая над своими архивами. Похоронен на историческом Краснослободском кладбище в районе бывшего Пятигорского аэропорта.

Память об этом незаурядном человеке продолжает жить вот уже четверть века, и обязательно будет сохраняться и в дальнейшем. О нем неоднократно писали его современники, коллеги и ученики. Помимо того, что имя А. П. Рунича часто упоминается в книгах и статьях кавказоведов в течение вот уже четверти века, публикуются и специальные работы о его роли в изучении памятников различных эпох, например, золотоордынских древностей [15]. Роль краеведа в изучении археологических памятников Кисловодска и окрестностей отмечена в «Большой Российской энциклопедии» [16]. Статья о нем помещена в «Энциклопедическом словаре Ставропольского края» [17]. В 1997 и 2007 годах в Пятигорском музее краеведения проводились краеведческие чтения, посвященные А. П. Руничу. Материалы первых из них изданы [18]. О вторых — публиковались информации [19]. 17–18 ноября 2011 г. на базе ГУК «Пятигорский краеведческий музей» состоялась большая межрегиональная научная конференция по теме: «Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов» с международным участием, посвященная 100-летию со дня рождения и 25-летию памяти Андрея Петровича Рунича.

С. Н. Савенко

ЛИТЕРАТУРА: 1. *Березин Я. Б., Савенко С. Н.* Рунич Андрей Петрович (1911–1986 гг.). Северокавказские историки-краеведы. Вып. I. Библиографический очерк. Армавир–Кисловодск: Академия истории и политологии; Армавирский государственный педагогический институт; Кисловодский краеведческий музей, 1996. 12 с. 2. *Кавказский календарь на 1917 год.* (LXXII г.). Под редакцией Н.П. Стельмащук. Тифлис: Типография канцелярии наместника Е. И. В. на Кавказе, 1916. С. 715. 3. Открытие пятигорских археологов // Ставропольская правда. 1948 г. 3.08. 4. *Ланцов В. И.* Андрей Петрович Рунич — как энтомолог // Фауна Ставрополья. Сборник научных трудов. Вып. X. Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2000. С. 126–129. 5. См. например: *Рунич А. П.* Катакомбы на берегу реки Юцы // Пятигорская правда. 1956. 29.01; *Рунич А. П.* Новый древний могильник // Советская здравница. 1958. 12.11; *Рунич А. П.* Археологические находки // Ставропольская правда. 1959. 15.02. 6. *Рунич А. П.* Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы // СА. 1961. №1. С. 266–270. 7. *Березин Я. Б., Савенко С. Н.* Рунич Андрей Петрович... С. 5–6. 8. *Дударев С. Л., Рунич А. П.* К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев VII–V вв. до н. э. Грозный, 1992. 27 с.; ил. 9. *Гуськов М. А., Рунич А. П., Нарожный Е. И.* Кабардинские курганы Пятигорья // Археология и краеведение Кавминвод (материалы I-й региональной конференции). Кисловодск: Кисловодский филиал СГОКМ, Кавминводский научно-исследовательский филиал Ставропольского центра «Великий шелковый путь», Кисловодское краеведческое общество, 1992. С. 42–47. 10. *Касаткин Д. Г., Рунич А. П., Ланцов В. И.* К изучению фауны жуков-дровосеков (Coleoptera, Cerambycidae) района Кавказских Минеральных Вод (по материалам коллекции А. П. Рунича — сборы 1946–1955 гг.) // Фауна Ставрополья. Сборник научных трудов. Вып. X. Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного педагогического университета, 2000. С. 80–87. 11. *Афанасьев Г. Е., Рунич А. П.* Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 252 с.; ил. 12. *Рунич А. П.* Катакомбы могильника IV–V вв. в Кисловодской котловине; Новые данные по раннему средневековью Северного Кавказа; Склепы раннего средневековья из района Пятигорья; Городище Бургусант или Рим-Гора; *Могильники* Кавказ и Рим-Гора 2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 76, 93–94, 125, 162, 210–211. 13. *Нечитайло А. Л., Рунич А. П.* Погребение литейщика у станции Скачки близ Пятигорска // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли, Ставрополь: Наследие, 2008. С. 344. 14. *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1986. С. 187. 15. *Нарожный Е. И. А. П.* Рунич и его вклад в изучение золотоордынских древностей Пятигорья // Археология и краеведение Кавминвод (материалы I-й региональной конференции). Кисловодск: Кисловодский филиал СГОКМ, Кавминводский научно-исследовательский филиал Ставропольского центра «Великий шелковый путь», Кисловодское краеведческое общество, 1992. С. 47–51. 16. Кисловодск // Большая Российская энциклопедия. Т. 14. М.: Большая Российская энциклопедия, 2009. С. 58. 17. *Рунич Андрей Петрович* // Энциклопедический словарь Ставропольского края. Ставрополь: СГУ, 2006. С. 314. 18. *Материалы* краеведческих чтений, посвященных памяти Андрея Петровича Рунича. Пятигорск: Пятигорский краеведческий музей, 1998. 24 с. 19. *Данилов А. В.* Вторые чтения памяти Андрея Петровича Рунича (к 95-летию юбилею) // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 8. Пятигорск, 2007. С. 157–158.

Грозный – Пятигорск – Кисловодск – Эссендуки – Армавир: Эстафета дружбы и творчества

С Андреем Петровичем Руничем судьба впервые свела нас в 1973 г. дважды — в марте, на III «Крупновских чтениях» в г. Грозном, а затем осенью в г. Кисловодске, куда я приехал на заседание кружка краеведов (точнее, Кисловодской археологической секции). К этому времени его знакомство с нашей археологической Школой, которая тогда переживала первый этап своего развития, было уже достаточно близким. Мой научный руководитель В. Б. Виноградов и сотоварищи по тогдашнему еще археолого-краеведческому кружку ЧИГПИ-ЧИГУ в 1969 г. побывали в г. Кисловодске на раскопках и рекогносцировках и там впервые встретились с двумя удивительными людьми — А. П. Руничем и Н. Н. Михайловым, другим замечательным краеведом Пятигорья. И уже вскоре начались не только совместные выезды в поле, но и публикационная деятельность, которая привела к изданию ряда статей, а также монографии, ставших заметными, и даже знаковыми в изучении раннего железного века Кавказских Минеральных вод.

Достаточно вспомнить такие две известные статьи В. Б. Виноградова и А. П. Рунича, а затем и Н. Н. Михайлова, как «Новые данные по археологии Северного Кавказа» // Археолого-этнографический сборник, т. III. — Грозный, 1969. — С. 95–137 (В. Б. Виноградов, А. П. Рунич) и «Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья» // АЭС. Т. IV. — Грозный. 1976. — С. 29–63» (Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.), а также монографию В. Б. Виноградова «Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. — Грозный: Чеч. Инг. кн. изд-во, 1972», защищенную в 1973 г. автором в качестве докторской диссертации в МГУ им. М. В. Ломоносова. В этих работах произошел мощный «вброс» в научное кавказоведческое поле ряда ярких и интересных материалов из памятников эпохи раннего железа Пятигорья, таких, как могильники Султан-горские 1–3, Клин-ярские могильники 2 и 3, № 1 на Кисловодской мебельной фабрике, Березовские 1, 3–6, Сосновогорские, «Индустрия» 1 и др., поселения у Кабан-горы, у железнодорожного моста (г. Кисловодск) и др. Данные материалы были спасены для подвижническими усилиями А. П. Рунича, Н. Н. Михайлова, а также группы энтузиастов, к числу которых принадлежали В. А. Лучен-

ков, М.А. Гуськов, С. В. Пьянков¹ (с ними автор был знаком лично) и многие другие, в том числе, нынешние профессиональные археологи, доктора и кандидаты наук Г. Е. Афанасьев, С. Н. Савенко, Я. Б. Березин и др., с которыми нас связывают дружеские отношения. Кавминводские краеведы открыли массу и иных памятников археологии разных времен и именно благодаря им (в чем мы глубоко убеждены!) этот район Северного Кавказа вскоре стал настоящей «Меккой» для столичных специалистов в области археологии — В. Б. Ковалевской, В. И. Козенковой, М. П. Абрамовой, Н. Л. Членовой, и ряда других.

Грозненские археологи видимо одними из первых «разглядели» феномен А. П. Рунича и его сподвижников — бескорыстных любителей истории своего края. Наверное, потому, что и сами многие годы изучали памятники Чечено-Ингушетии «вскладчину», часто используя при этом свои личные скромные средства. Оттого-то и отношения между ними и А. П. Руничем (Н. Н. Михайлов, к сожалению, скончался в 1972 г.) были, смею думать, более открытыми, чем с какими-то иными коллегами. В то же время, сказать, что Андрей Петрович был человеком, легко идущим на контакты — это значит допустить преувеличение. Доверие между ним и коллегами из Грозного устанавливалось не быстро и не так уж просто. А. П. Рунич в пору знакомства с моим Учителем, моими товарищами и со мной был уже очень зрелым человеком, со своими взглядами на мир и людей. И обстановка в его квартире была особой, с диковинками, и мебелью в стиле 1920-х гг. Хозяин квартиры смотрел на посетителя своими добрыми, с лукавинкой и хитрецей глазами (см. фото в конце предыдущей статьи) и любил задавать нетривиальные, а то и каверзные вопросы, желая «проверить» своего собеседника на знание особых деталей археологического материала. Тот, кто проходил это своеобразное «тестирование», становился в чем-то ближе к Андрею Петровичу... В 1975 г. настал момент и моего научно-творческого контакта с А. П. Руничем, когда я приехал в эту самую квартиру и целый день без устали копировал на кальку материалы рас-

копок ее хозяина для первой большой совместной публикации могильников предскифского времени Кавминвод, отмеченных контактами с ранними кочевниками Восточной Европы — киммерийцами и скифами. Статья за подписями В. Б. Виноградова, А. П. Рунича и моей была затем отправлена выдающемуся ученому А. И. Тереножкину, пригласившему нас троих опубликовать эти ценные данные, в г. Киеве, в Институте археологии АН Украины, где пролежав долгие пять лет, вышла в известном сейчас любому специалисту по раннежелезному веку Евразии сборнике «Скифия и Кавказ» (Киев: Наукова думка, 1980). Ссылки на нее уже много лет можно видеть во множестве работ археологов, напечатанных от Нью-Йорка и Варшавы, до Санкт-Петербурга и Москвы. Земной поклон А. П. Руничу и за помощь в подготовку мной кандидатской диссертации. В середине всё тех же 1970-х я обратился к Андрею Петровичу с просьбой использовать материалы его раскопок в написании своей первой квалификационной работы и получил благословение от А. П. Рунича. Впрочем, иначе с этим человеком и не могло быть. А. П. Рунич работал для людей и не собирался ничего от них прятать. Но этот его и похожие поступки вовсе не означали, что так на месте Андрея Петровича «поступил бы каждый советский человек». А. П. Рунич принадлежал к очень непростому феномену «краеведчества», сообществу краеведов, которые являются людьми со своеобразным менталитетом и, прямо скажем, открытость и стремление поведать миру о своих находках являются чертами далеко не каждого из них. Можно было бы привести совсем иные примеры из того же Пятигорья, являющиеся полной противоположностью тому, который дал А. П. Рунич... Однако не всем дипломированным специалистам, особенно академическим, нравилась деятельность А. П. Рунича. Да, в ней были изъяны, прежде всего методического характера, но, порой, не всегда и те или иные профессионалы бывали на высоте, а у А. П. Рунича отсутствовало специальное образование. Тем не менее, он был на переднем крае спасения памятников круглогодично, «без отрыва от производства», без денег, транспорта, реальной помощи государства. У него было только одно — желание не дать бесследно погибнуть древностям, которые буквально валялись под ногами, а многим современникам и землякам не было до этого никакого дела. Его, в конце-концов, лишили «Открытого листа». А кто от этого выиграл? Кто угодно, только не любимое Руничем дело.

¹ С С. В. Пьянковым мы познакомились при характерных обстоятельствах. В 1974 г. он работал в Чечено-Ингушетии, в станице Вознесенской, находясь там вместе со своей женой Виленской, также бывшим членом Кисловодской археологической секции. Там С. В. Пьянков открыл могильник скифского времени, осмотреть который приехали мы с археологом В. А. Петренко.

...Время шло. Автор этих строк в конце 1970-х гг. провел свои первые полномасштабные полевые археологические изыскания именно на Кавминводах, в Кисловодске, где нами изучался Белореченский 2 могильник VIII–V вв. до н.э., впервые исследовавшийся... конечно же А. П. Руничем, и другие памятники. И когда много лет спустя, в 2004 г. появилась возможность издать монографию по материалам этого могильника (*Дударев С.Л.* Белореченский 2 могильник — памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных Вод // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 3. Армавир, 2004. С. 16–100), она была посвящена памяти А. П. Рунича.

Впрочем, еще в конце 1980-х гг. назрела необходимость написания совместной с ним статьи. Но А. П. Рунича уже не было в живых. В советское время издавать работы даже по археологии было делом нелегким. Написанная нами по материалам Андрея Петровича статья пролежала до 1992 г. В эту трагическую годину, накануне отъезда навсегда из г. Грозного, мне удалось в казущейся сейчас совершенно невероятной обстановке опубликовать в виде брошюры эту работу, с подслеповатым текстом, плохо пропечатанными иллюстрациями (*Дударев С.Л., Рунич А.П.* К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н.э. Грозный. 1992. 27 с., ил.). Ничего лучшего тогда просто не могло быть — на улицах по ночам звучали автоматные очереди, было тревожно и одиноко, впереди была полная неизвестность. Но сегодня нам удалось включить этот текст в сборник своих научных трудов, который вышел на совсем другом полиграфическом уровне (*Сборник научных статей С.Л. Дударева*. М.: Илекса, 2011. 558 с.). Статья в нем под таким же названием посвящена столетию со дня рождения А. П. Рунича.

Но контакты с А. П. Руничем, Н. Н. Михайловым и их сподвижниками ознаменовались не только описанной выше работой. Не менее (а в чем-то и более) важно то, что выпускники археологического кружка А. П. Рунича, ведомые протоптанной тропинкой, еще в первой половине — середине всех тех же знаковых 1970-х гг. пришли в Грозный, на исторический факультет тогдашнего ЧИГУ. Это были Я. Б. Березин и С. Н. Савенко, которые влились в состав коллектива молодых исследователей, возглавляемых профессором В. Б. Виноградовым, стали частью создаваемой им Школы. Последовали их выезды в экспедицию, статьи, доклады на конференциях, первые самостоя-

тельные раскопки. Ныне это известные исследователи, которые достойно продолжают дело двух своих руководителей. Они влились в новые коллективы, либо возглавляют их, будучи по жизни связанными с полевыми исследованиями, охраной и сохранением памятников археологии и истории для потомства.

Впрочем, не все представители региона Кавминвод — члены Школы В. Б. Виноградова — связали свою судьбу с археологией. В конце 1980-х гг. по стопам Я. Б. Березина и С. Н. Савенко в ЧИГУ им. Л. Н. Толстого поступил и юный эссентучанин Ю. Клычников. По прошествии времени стало ясно, что археология — не его призвание. Но перевод из предвоенного Грозного в Краснодар, на новое место учебы благотворно повлиял на молодого человека. Он нашел себя как историк. Ныне профессор Ю. Ю. Клычников — один из наиболее дееспособных и еще достаточно молодых (ему всего 40 лет!) историков северокавказского региона, с которым Кавказоведческая Школа В. Б. Виноградова связывает большие надежды.

С переездом в г. Армавир части Кавказоведческой Школы и возрождением ее на новом месте исторические контакты с Кавминводами не прерываются. С. Н. Савенко, Ю. Ю. Клычников и др. — частые гости на кафедре всеобщей и региональной истории АГПА. Они участвуют в конференциях и семинарах, изданиях кафедры. Впереди новые творческие планы, связанные, в том числе, и с празднованием в 2013 г. 50-летия Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова.

А у истоков их пути был видный краевед и мудрый человек Андрей Петрович Рунич, чья встреча с другой незаурядной личностью — Виталием Борисовичем Виноградовым была судьбоносной как для истории изучения многих ценных памятников Северного Кавказа, так и ряда людей, отдавших этому свои усилия.

С.Л. Дударев

Виноградов Виталий Борисович — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Кубани, Чечено-Ингушской АССР, академик Международной академии наук, Международной академии информатизации, Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа, руководитель научно-педагогической Кавказоведческой Школы.

Волошин Дмитрий Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии.

Голубев Лазарь Эрвандович — РГУ «Государственная инспекция по охране эксплуатации и реставрации объектов культурного наследия КЧР», г. Черкесск.

Голованова Светлана Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Армавирской государственной педагогической академии, академик Международной академии наук.

Головлев Алексей Алексеевич — доктор географических наук, профессор Самарского государственного экономического университета.

Давыденко Георгий Георгиевич — начальник отдела памятников археологии Управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края (г. Краснодар).

Дударев Сергей Леонидович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии, Заслуженный деятель науки Кубани, академик Международной академии информатизации, Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа. Член-корреспондент Центра археологии и культурной истории Причерноморья Института археологии при университете Мартина Лютера в Хале-Виттенберге (Германия), член Всероссийской ассоциации медиэвистов и историков раннего нового времени.

Задников Станислав Анатольевич — научный сотрудник Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Котляровы Мария и Виктор — краеведы, книгоиздатели, г. Нальчик (Кабардино-Балкария).

Лотиев Константин Юрьевич — кандидат биологических наук, преподаватель Прасковейского сельхозтехникума (Ставропольский край).

Савенко Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, директор Пятигорского краеведческого музея, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ.

Федосов Михаил Юрьевич — специалист ООО «Кубаньохранкультура» (г. Краснодар), аспирант 3 года обучения кафедры истории России Волгоградского государственного педагогического университета.

Шрамко Ирина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения и археологии исторического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.

The book summarizes papers and reports of the 16th regular "Readings on the History of Central Kuban" held in the Armavir State Pedagogical Academy (AGPA) in November 2011.

In the publications of teachers and researchers, local historians from Armavir, Krasnodar, Cherkessk, Pyatigorsk, Volgograd, Nalchik, Samara, settlement Praskovea of Stavropol Region, and Kharkov (Ukraine) materials on archeology of Middle Kuban and other parts of Caucasus, as well as historically associated territory of the Middle Don are considered. Materials are presented in a broad chronological range - from the Middle Bronze Age to the late Middle Ages. They characterize material and spiritual culture of different ethnic groups of areas in question, demonstrating its intertribal and international ties in ancient and medieval times, also with the Asia Minor, ancient world, steppes of Eastern Europe, Byzantine Empire, Transcaucasia and Kiev Empire. The collection contains materials for the anniversary of the History Department of AGPA and well-known domestic and foreign archaeologists, as well as memories of the personalities of the archaeological and historical study of local lore of Northern Caucasus.

For students, lecturers, researchers and secondary schools teachers.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
В. Б. Виноградов Армавирский археологический «перекрёсток»	3
ИНФОРМАЦИОННЫЕ СООБЩЕНИЯ О ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСКУРСИЯХ	
Мария и Виктор Котляровы Кавказский «Стоунхендж»?	6
С. Л. Дударев Блеск и горечь древней бронзы (о новых находках у селения Заюково)	9
Л. Э. Голубев, Г. Г. Давыденко, М. Ю. Федосов Исследование двух погребений на грунтовом могильнике городища Ахмет-Кая в 2009 году	20
А. А. Головлев, С. Л. Дударев Средневековый памятник на туристской тропе	27
С. Л. Дударев, К. Ю. Лотиев Железный топорик из селения Учкулан	30
АНАЛИТИЧЕСКИЕ И КРИТИКО- БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ	
М. Ю. Федосов Курильницы верхнекубанских типов на Среднем Дону	32
С. Н. Малахов Средневековый бронзовый крест из отрадненского музея	34
С. А. Голованова Русско-северокавказские культурные взаимодействия (X–XII вв.)	39
С. Н. Малахов Одно археологическое свидетельство в сочинении султана Казы-Гирея	43
Д. А. Волошин, С. Л. Дударев Новое исследование по истории Боспора (по поводу автореферата кандидатской диссертации М. Л. Рябцевой «Боспор и германцы в конце IV — середине VI в.». Ставрополь: СГУ, 2009, 28 с.)	45
С. Л. Дударев Реферат книги	49
ЮБИЛЕИ	
Историческому факультету АГПА — 20 лет!	52
С. А. Задников, И. Б. Шрамко К 90-летию Б. А. Шрамко	54
А. А. Кудрявцеву — 70 лет.	56
К 60-летию Сергея Леонидовича Дударева	58
С. Н. Савенко Материалы к 100-летию со дня рождения А. П. Рунича	61
MEMORIA	
С. Л. Дударев Грозный – Пятигорск – Кисловодск – Ессентуки – Армавир: Эстафета дружбы и творчества	67
Сведения об авторах	72
Summary	73

**XVI чтения по археологии
Средней Кубани**

Краткое содержание докладов

Издательство «Графа»,
г. Ставрополь, ул. Серова, 278.

Подписано в печать 08.12.2011. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура Georgia. Бумага 80 г.
Усл. печ. л. 3,9. Тираж 300 экз. Заказ 131.

Верхняя, лицевая часть изваяния.

Средневековое изваяние
из Нижнего Архыза
(общий вид).

Между 28 и 29 стр.

Виды кавказского «Стоунхенджа»

Виды кавказского «Стоунхенджа»

Между 6 и 7 стр.

Между

1. Вид местности, где расположен Заюковский могильник № 3. 2–3. Следы «деятельности» грабителей на могильнике. 4. Бронзовые вещи, найденные вместе со шлемом. 5. Керамика из разграбленных погребений. 6. Железные наконечники копий и их фрагменты из погребений. 7. Бронзовый шлем ассирийского типа из Заюковского могильника 3. 8. То же. Деталь. 9. Привеска в виде кинжала (деталь).

Между 30 и 51 столетием

1

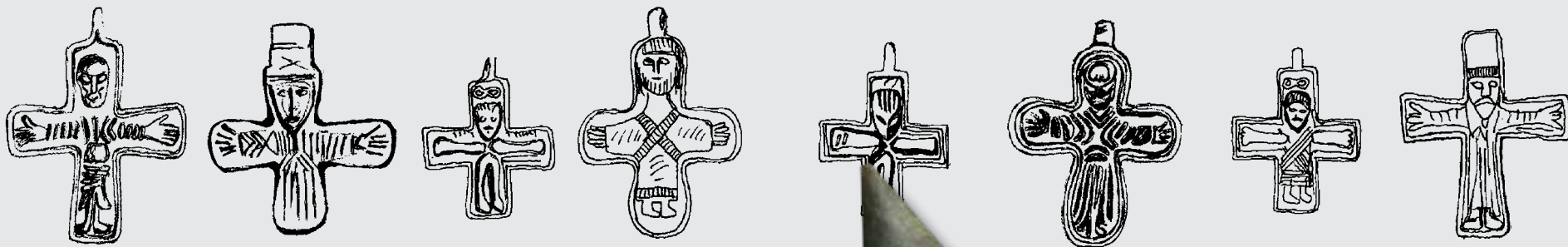

2

3. Железный топорик из селения Уччулан.

1. Вид на селение Уччулан с юго-запада (с места находки).
2. Склон, где был найден топорик (вид с северо-востока).

В публикациях преподавателей и научных сотрудников и краеведов рассматриваются материалы по археологии Средней Кубани и других районов Предкавказья, а также исторически связанной с ним территории Среднего Дона, представленные в широком хронологическом диапазоне – от эпохи средней бронзы до позднего средневековья. Они характеризуют материальную и духовную культуру разноэтничного населения указанных ареалов, демонстрируют его межплеменные и международные связи в древности и средневековье, в том числе с Передней Азией, античным миром, степями Восточной Европы, Византией, Закавказьем и Киевской Русью.

АРХЕОЛОГИЯ Средней Кубани

